

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт Иностранных Языков
Кафедра английского языка, методики и переводоведения

**Англоязычное городское фэнтези: авторские трансформации
прецедентного текста**

Выпускная квалификационная работа
(магистерская диссертация)

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

_____
дата

_____
подпись

Исполнитель:
Михайлова Дарья
Сергеевна,
Обучающийся ЯОА 1601-z
группы

_____
подпись

Руководитель:
Шустрова Елизавета
Владимировна,
доктор филол. наук,
профессор каф.
английского языка,
методики и
переводоведения

_____
подпись

Екатеринбург 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ	6
1.1 Теория прецедентности.....	6
1.1.1 Критерии выделения прецедентных текстов	9
1.1.2 Виды прецедентных текстов.....	12
1.1.3 Функции прецедентных текстов в различных типах дискурса.....	17
1.1.4 Методы анализа прецедентных текстов	22
1.2 Особенности дискурса англоязычного городского фэнтези.....	26
ГЛАВА 2. АВТОРСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ГОРОДСКОГО ФЭНТЕЗИ.....	36
2.1 Сферы-источники прецедентных текстов.....	37
2.2 Трансформация прецедентного текста в художественном дискурсе	40
2.2.1 Замена компонента прецедентного текста.....	44
2.2.2 Распространение прецедентного текста.....	59
2.2.3 Смешанная трансформация	61
2.3 Национально-культурная и жанровая обусловленность использования прецедентных текстов в дискурсе городского фэнтези	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	70
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	73

ВВЕДЕНИЕ

Явление прецедентности на протяжении последних трех десятков лет пристально изучается современными лингвистами. Интерес к прецедентным феноменам не ослабевает; появляются новые работы, детализирующие особенности их употребления и функционирования в различных типах дискурса, особенно в разновидностях художественного текста. Данное явление обусловлено, прежде всего, тем, что изучение интертекстуальных связей в тексте связано с проблемой обнаружения смысла речевого произведения, являющейся одной из главных проблем лингвистики. Прецедентность рассматривается как феномен, без учета которого понимание смысла художественного текста зачастую оказывается невозможным. Кроме того, изучение следов присутствия наиболее значительных текстов прошлого в произведениях современных авторов способствует выявлению закономерностей трансляции культуры от поколения к поколению. Поле для исследований в области прецедентности достаточно велико: здесь есть место и для литературоведа, и для специалиста в области лингвистики текста: если литературоведа интересуют в первую очередь источники литературных прототекстов, то исследователя по лингвистике текста – способы включения интекстов в художественное произведение, роль прецедентных текстов в формировании концепта произведения, идиостиля автора.

Однако, **актуальность темы** диссертации «Англоязычное городское фэнтези: авторские трансформации прецедентного текста» обусловлена недостаточной разработанностью теории прецедентности, отсутствием единого понятийно-терминологического аппарата и расхождениями в интерпретации категории прецедентности и близкородственных явлений: интертекстуальности, интердискурсивности, гипертекста.

Объект исследования – прецедентные тексты в иноязычном городском фэнтези.

Предмет исследования – особенности авторской трансформации прецедентных текстов в англоязычном городском фэнтези.

Цель работы заключается в исследовании и описании особенностей авторской трансформации прецедентных текстов различного происхождения в англоязычном художественном произведении.

Цель работы определила необходимость решения следующих **задач**:

- 1) исследовать основные положения теории прецедентности в трудах отечественных и зарубежных ученых и проанализировать понятийно-терминологический аппарат современных исследований в области жанра городского фэнтези;
- 2) определить сферы-источники прецедентности и выделить наиболее продуктивные;
- 3) определить функции прецедентных текстов в художественном дискурсе;
- 4) проанализировать типы трансформаций прецедентных текстов в художественном дискурсе и выделить их особенности;
- 5) определить национально-культурную и жанровую специфику использования прецедентности.

Материалом исследования послужил роман Нила Геймана «Американские боги». Выбор материала обусловлен тем, что городское фэнтези базируется на мифах и легендах, что в свою очередь представляет широкое поле для исследования явления прецедентности. В ходе исследования было проанализировано 120 контекстов, содержащих прецедентные тексты.

В качестве основных в исследовании были использованы сравнительный и описательный **методы**, реализованные через комплекс более частных приемов и методик анализа, таких как контекстуально-интерпретативный анализ, когнитивно-дискурсивный анализ, метод количественного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, а также общенаучные методы наблюдения, обобщения.

Научную новизну работы мы усматриваем в определении специфики авторской трансформации прецедентных текстов в современном литературном произведении, и рассматриваем ее не только как лингвостилистический феномен, но и как явление культуры и социального контекста.

Теоретическая значимость. Исследование вносит вклад в исследования прецедентности как ключевого феномена современной лингвокультурной парадигмы. Исследование расширяет представления о роли введения в художественный текст прецедентных феноменов, их интерпретации и трансформации и уточняет их классификацию.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения его результатов в когнитивно-дискурсивном, лингвокультурологическом, а также лингвостилистическом анализе художественных текстов разных жанров, для выявления связи типов прецедентных феноменов с основными элементами различных жанров

Апробация работы. Результаты исследования были представлены в форме доклада на X международной студенческой научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и методики» в УрГПУ, г. Екатеринбург 12.04.18 с последующей публикацией материалов в сборнике тезисов.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ

В данной главе будут рассмотрены основные положения теории прецедентности в трудах отечественных и зарубежных ученых, описаны виды прецедентных текстов, критерии их выделения, функции, выполняемые ими в различных типах дискурса и методы их анализа. Также будет сформирован понятийно-терминологический аппарат, используемый для проведения нашего исследования, и представлены особенности дискурса англоязычного городского фэнтези.

1.1 Теория прецедентности

Многочисленные исследования в области теории прецедентности породили особую терминологию, которой пользуются современные лингвисты при анализе данной области языка. Важно отметить, что при исследовании и описании прецедентности ученые-лингвисты рассматривали различные аспекты данного феномена, что повлекло за собой различия и в номинации анализируемых единиц. Так, среди наиболее часто используемых терминов в русскоязычных исследованиях можно назвать как собственно лингвистические: «прецедентное имя», «прецедентное высказывание», «прецедентный текст» [Блинова 2007, Гудков 1999, Красных 2002 и др.], «прецедентный оним» [Нахимова 2007]; когнитивные термины: «прецедентный концепт», «прецедентный мир» [Лавриненко 2007, Слышкин 2000 и др.], так и те, что могут предполагать как когнитивную, так и собственно лингвистическую интерпретацию соответствующего явления – «прецедентный феномен», который применяется в работах Д. Б. Гудкова и В. В. Красных. Говоря о неоднозначной трактовке терминов, следует выделить термин «концепт», который современными специалистами используется как

в собственно когнитивном смысле, так и как понятие, совмещающее когнитивные и лингвистические характеристики. В частности, С. Г. Воркачев называет концептом «синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом», редуцированном виде. В качестве «законного наследника» этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» [Воркачев 2005: 10 – 113].

Е. С. Кубрякова утверждала, что «в когнитивной лингвистике перспективным является то направление в семантике, которое защищает идеи о противопоставленности концептуального уровня семантическому (языковому). Эти мысли нашли воплощение в так называемой двухуровневой теории значения» [Кубрякова 1996: 93].

Таким образом, в настоящей диссертации в зависимости от потребностей номинации и специфики раздела для обозначения различных аспектов прецедентности были применены как собственно лингвистические термины «прецедентный текст», так и когнитивные понятия – «прецедентный концепт». Однако такой термин как «прецедентный феномен» интерпретируется как максимально широкий, не дифференцирующий когнитивный или лингвистический характер прецедентности. Следует отметить, что спецификой прецедентных текстов является многоуровневость, динамизм и вербально опосредованный характер, что оказывает влияние на тесное переплетение лингвистических и энциклопедических знаний реципиента, вследствие чего комплексная характеристика различных аспектов прецедентности требует разнообразного терминологического арсенала.

Говоря об исследованиях прецедентности, нельзя не упомянуть англоязычных лингвистов и особенности их работ, посвященных прецедентности. Важно отметить, что в англоязычные специалисты предпочитают придерживаться термина «интертекстуальность», который в данном случае является синонимичным «прецедентности». Интерес для нашего исследования представляют работы Джорджа Лэндоу, в область исследований которого входили критика и теория электронной литературы, гипертекста и гипермедиа, что расширило границы традиционного понимания прецедентности. Дж. Лэндоу утверждал, что гипертекст, являясь интертекстуальной системой, имеет возможность реализовать интертекстуальность вне печатного текста, а любой литературный текст, который сам автор называет «high literature», то есть текст, пригодный для чтения и преподавания в учебных учреждениях, автоматически содержит в себе скрытый или явный гипертекст. Для подтверждения своих заключений им был использован анализ «Улисса» Джойса и были приведены примеры скрытого и явного гипертекстов. В своих исследованиях Дж. Лэндоу утверждает, что интертекстуальность как структурное соотношение знака/ системы знаков и культуры смещает фокус анализа с типичной триады «автор/ работа/ традиция» на более современную – «текст/ дискурс/ культура».

Таким образом, интертекстуальность заменяет эволюционную историческую модель литературы структурной и синхронной моделью литературы как знаковой системы. Последствия такой замены состоят в освобождении литературы от психологического, социологического и исторического детерминизма, придавая большее значение возможности создавать и реализовывать взаимосвязи между текстами, делая интертекстуальность основным способом создания и восприятия новых текстов и анализа уже существующих [Landow 1992: 10]. Соответственно, можно сделать выводы о важности прецедентности и гипертекста не только

для современной лингвистики, но и для литературоведения и в целом восприятия любого литературного произведения сверх его печатного текста.

1.1.1 Критерии выделения прецедентных текстов

Как было отмечено выше, разными школами и специалистами используется различная терминология и, как следствие, различные подходы к выделению прецедентных текстов и их наименованию. Некоторыми современными лингвистами наиболее значимыми считаются следующие критерии:

- связанность текстов с классическими произведениями [Караулов 1987];
- общеизвестность текстов [Красных 2002];
- известность текстов большинству членов лингвистического сообщества [Гудков 1999; Слышкин 2000];
- сближение с именами нарицательными, утрата отдельных признаков, характерных для имен собственных [Блинова 2007].

Однако, следует отметить, что в соответствующих исследованиях лингвистов были выявлены сложности в определении принадлежности отдельных текстов к числу «классических», «общеизвестных», «известных большинству», так как без предварительного анализа невозможно утверждать со стопроцентной уверенностью об известности имен и феноменов каждому человеку, принадлежащему национальной лингвокультурной парадигме [Нахимова 2004; Семенец 2004]. Таким образом, критерии «общеизвестности» и даже «известности большинству членов языкового коллектива» не могут считаться ведущими признаками прецедентности.

Другой, более широкий подход, который можно назвать текстовым или дискурсивным, позволяет рассматривать следующие признаки в качестве существенных для выделения прецедентных текстов различного типа:

- регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен, высказываний в текстах [Кушнерук 2004];
- неденотативное (коннотативное, метафорическое, образное) функционирование текста как культурного знака [Нахимова 2004, 2005].

При анализе вышеназванных признаков важно рассматривать тот факт, тип дискурса, в котором реализуется прецедентный текст, влияет на специфику использования этого текста и функцию, выполняемую им в контексте. Так, в дискурсе СМИ предпочтительны прецедентные имена, известность которых имеет общенациональный характер, а научная коммуникация требует использования имен собственных, хорошо известных только ученым, работающим над определенной отраслью науки. Аналогию можно провести и с особенностями прецедентных имен и феноменов, характерных только для религиозного, спортивного, финансового или же анализируемого нами литературного дискурса.

В нашей работе в качестве критериев для выделения прецедентности используется некоторые формальные признаки, которые указывают на восприятие самим автором имени или высказывания как прецедентного. Так, наиболее известные прецедентные имена, названия, как правило, реализуются в произведении без каких либо уточнений. Однако автором могут быть использованы некоторые способы актуализации прецедентного текста, например, кавычки, в ситуации, если автор не может быть стопроцентно уверен в принадлежности соответствующего текста к числу «широко известных», и есть вероятность, что авторский замысел будет реализован и воспринят реципиентом некорректно. Таким образом, при определении прецедентного характера анализируемого контекста следует обращать внимание не только на его общеизвестность или высокую частотность, но целесообразным представляется принять во внимание

возможность образного, коннотативного употребления и учитывать следующие критерии:

- графические признаки: написание со строчной буквы, выделение курсивом или жирным шрифтом;
- пунктуационные признаки: использование кавычек, скобок;
- морфологические признаки: образование форм множественного числа;
- синтаксические признаки: использование специфических определений, эпитетов;
- лексико-семантические признаки: особые синонимические или антонимические связи;
- контекстуальные признаки: использование в специфическом контексте);
- дискурсивные и иные особенности использования соответствующего прецедентного текста.

При анализе прецедентности ученые сделали вывод, что прецедентные тексты можно охарактеризовать как единицы, которые требуют осмысления на трех уровнях: языка, сознания и культуры [Гудков 2003, Костомаров 2001, Красных 2002, 2003].

Как единицы языка прецедентные феномены:

- имеют вербальное выражение;
- в процессе коммуникации не создаются заново, но возобновляются;
- могут менять форму в пределах сохранения опознаваемости.

Как единицы сознания:

- являются результатом определенных когнитивных операций;
- служат средством кодирования и трансформирования информации;
- задают модели обработки, оценки поступающей информации и ее сопоставления с уже имеющейся.

Как единицы культуры:

- характеризуются наполненностью знанием культурного характера;
- требуют соотнесения с другими текстами как фактами культуры;
- определяют специфику культурного пространства.

Таким образом, контексты и отобранные прецедентные тексты будут рассматриваться нами на всех трех уровнях языка, и на основе вышеназванных особенностей прецедентных текстов мы будем анализировать их вербальную форму и когнитивные операции и трансформации, проведенные над ними, и характеризовать их как культурный знак.

1.1.2 Виды прецедентных текстов

На сегодняшний день не существует единой признанной классификации прецедентных текстов, и многие ученые-лингвисты работают над этой проблемой и предлагают свои варианты систематизации прецедентности. Анализ работ по данной проблематике позволяет делать выводы как о многообразии оснований, используемых лингвистами для собственной классификации, так и о различиях в подходах систематизации, на которые влияют цели и задачи исследовательских работ, материал, на котором они проводятся, принадлежность ученого к определенной научной школе и ряд других факторов.

Безусловно, при анализе и категоризации системы прецедентных текстов необходимо начинать с определения их сущности и характеристики их основных типов. Так, в современных исследованиях наиболее широко используется классификация Д. Б. Гудкова [1999], который предложил систему следующих прецедентных текстов: прецедентные имена, прецедентные названия, прецедентные высказывания, прецедентные тексты. Однако под вопросом остается принадлежность фразеологизмов,

метафорических моделей и некоторых иных феноменов к определенному типу прецедентных текстов.

Важно отметить, что во многих работах по анализу систем прецедентных текстов авторы разграничивают тексты вербального и невербального характера, а в диссертации А. А. Евтюгиной рассматриваются не только вербальные, но и музыкальные прецедентные знаки [Евтюгина 1995]. Ю. Б. Пикулева в своей диссертации при анализе использования прецедентных культурных знаков в телевизионной рекламе привела детальную классификацию невербальных прецедентных единиц: узнаваемые голоса, музыкальные цитаты, культурно значимые предметы вещного мира, типовые жесты, поведенческие формулы, ритуалы и др. [Пикулева 2003].

Другой тип классификаций базируется на типе сферы-источника прецедентности: литература, религия, политика, бизнес, кино, спорт, музыка, живопись, наука, субкультура и др. Классификациями такого типа занимались О. А. Ворожцова [2007], Ю. А. Гунько [2002], Е. А. Земская [1996], С. Л. Кушнерук [2006], Г. Г. Слышкин [2004], А. Е. Супрун [1995] и многие другие специалисты.

Кроме сфер-источников, за основу для классификации некоторыми учеными берутся понятийные сферы-мишени, в которых реализуются прецедентные тексты в своих вторичных значениях. Зачастую такими сферами становятся реклама, спорт, политика, наука, СМИ и др. [Нахимова 2004, 2005]. Чаще всего лингвисты предпочитают анализировать одну сферу в своих исследованиях. Например, О. А. Ворожцова [2007] анализирует предвыборный дискурс, Ю. А. Гунько [2002] – бытовой дискурс, Е. А. Земская [1996] – современные СМИ, а С. Л. Кушнерук [2006] исследует рекламный дискурс.

Такие специалисты как В. В. Красных [2003], Н. М. Орлова [2010], Г. Г. Слышкин [2000] при создании своей классификации обращают внимание на распределение прецедентных феноменов по характеру прецедентности, то

есть по степени их известности в различных странах, социальных группах и др. В данных классификациях выделяются тексты:

- глобально прецедентные, известные практически везде в мире;
- национально прецедентные, активно используемые в основном в одной стране;
- социумно прецедентные, не обладающие общенациональной известностью, но важные для некоторых социальных, профессиональных, возрастных групп;
- известные лишь в малых группах, например, в отдельной семье.

Некоторые ученые классифицируют прецедентные тексты относительно фактора их известности во времени: остаются ли тексты известными на протяжении многих лет или оказываются в центре внимания общества лишь на короткий отрезок времени. Как утверждала Н. М. Орлова [2010], Библия является ярким примером источника глобально прецедентных текстов, сохраняющих популярность на протяжении многих веков.

Исторический период, к которому относятся тексты, редко берется учеными за основу классификации прецедентности, так подобную классификацию рассматривают М. Б. Ворошилова [2009], С. Л. Кушнерук [2006]. Н. А. Кузьмина в своем исследовании выделяет две основные группы текстов: «сильные тексты» и «ключевые тексты текущего момента». Первая группа включает в себя контексты, которые «испытаны временем и присутствуют в национальной культуре на протяжении жизни более двух поколений», например, религиозные книги, классическая литература, имена и события, которые на долгое время закрепляются в картине мира народа. Вторая группа представляет текстовые материалы, частое обращение к которым происходит ограниченные, зачастую очень короткие, временные сроки: телевизионная реклама, телефильмы и сериалы, слоганы политики и масс-медиа [Кузьмина 2004]. Однако следует отметить, что данная классификация не была применена в нашем исследовании ввиду условности

границ между типами прецедентных текстов и сложности их точной дифференциации, так как многие современные тексты не могут быть названы «сильными» только вследствие их новизны и ограниченности использования на данный момент времени.

Некоторыми лингвистами противопоставляются прецедентные имена отечественного и зарубежного происхождения или дифференцируются имена, принадлежащие к отдельным национальным культурам, например, американской, британской, русской и др. В таких работах зачастую выделяются «интернациональные», имена, которые имеют популярность в картинах мира различных наций. Так, О. С. Боярских [2007] и С. Л. Кушнерук [2006] классифицируют прецедентные тексты по их национально-культурной принадлежности, а Н. М. Орлова [2010] детально рассматривает библейские по происхождению тексты и выделяет в них прецедентные имена, популярные в различных национальных культурах.

Важно отметить, что не все классификации прецедентных текстов служат исключительно лингвистическим изысканиям. Так, исследование Е. Г. Ростовской [1993], посвящено методическим целям и дифференцирует тексты по «источнику возникновения»:

- тексты, возникшие на базе русской культуры: русские фольклор, авторская художественная литература и цитаты из нее, имена персонажей, анекдоты, лозунги и др.;
- инокультурные и иноязычные известные цитаты, названия, выражения, тексты, написанные на иностранных языках, которые приводятся без перевода или с частичным переводом;
- отечественные тексты, возникшие на основе иностранных или причиной создания которых послужили общеизвестные, знаменитые факты и события истории и культуры других стран;
- тексты, преимущественно сказки, возникшие на основе международных «бродячих сюжетов»;

- тексты, возникшие на основе общеизвестных прецедентных текстов, например, библейских сюжетов и мифов Древней Греции) [Ростова 1993: 7–15].

Проанализировав разнообразие подходов к классификации прецедентных текстов, можно сделать вывод, что типологии и разница между ними зависят от целей, задач и, соответственно, методов исследования, и тем, какие виды дискурса послужили базой для анализа.

Таким образом, можно выделить следующие общие основания для классификации прецедентных текстов:

1. Если необходимо дифференцировать прецедентные тексты, то выделяются подразделы, описывающие данные феномены: разделяют прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации т.д. в зависимости от школы, которой придерживается автор; выделяют вербальную и невербальную прецедентность, рассматривают соотношение прецедентности и интертекстуальности.

2. При классификации прецедентных имен собственных – онимов – выделяют традиционные для ономастики разряды, определяемые по характеру обозначаемых объектов: антропонимы, топонимы, астронимы, гидронимы, зоонимы, каронимы и др., а также рассматривают соотношение естественной и искусственной номинации, виды мотивации и т. п.

3. Прецедентные онимы могут быть разграничены по традиционным для лексикологии критериям: общеупотребительные и необщеупотребительные слова: регионализмы, жаргонизмы и т.д.; исконные и заимствованные слова: варваризмы и интернационализмы; архаизмы, неологизмы и т.д. Кроме того, прецедентные единицы могут быть разделены на семантические/ тематические/ смысловые подгруппы, сферы, классы.

4. Ввиду возможности прецедентных текстов обладать метафорическим значением они могут быть классифицированы по особенностям смысловой сферы-источника и сферы-мишени и разграничены по типу метафоры:

языковой, т.е. стертой или сохраняющей образность, и окказиональной, т.е. речевой.

5. Когнитивный подход к классификации строится на базовых когнитивных структурах: стереотипах, оппозициях, языковой картине мира и др., которые реализуются в прецедентных текстах.

6. В основу классификации могут быть положены стилистические спецификации: оценка, экспрессия, принадлежность к разговорной или книжной лексике; или особенности социолингвистического характера: принадлежность к элитарной культуре или субкультуре.

Следует отметить, что значительный интерес могут представлять и отсутствующие пока классификации по гендерным, профессиональным и возрастным характеристикам прецедентных текстов.

1.1.3 Функции прецедентных текстов в различных типах дискурса

Разнообразные подходы к классификации прецедентных текстов приводят к возникновению противоположных мнений по поводу функций, которые выполняются прецедентными единицами в разных типах дискурса.

Так, Д. Б. Гудков, типологией прецедентных текстов которого мы пользуемся в данном исследовании, выделяет следующие функции: экспрессивную, оценочную и парольную [Гудков 2003: 157–158]. Однако, данные ряд функций можно назвать незавершенным, так как в указанной работе лингвистом не выделяется конкретный исследуемый дискурс, который необходим для полного анализа особенностей функционирования прецедентных единиц в тексте. Следовательно, для более полного анализа функционирования прецедентности в тексте необходимо рассмотреть специфику реализации прецедентных текстов в различных типах дискурса и их взаимосвязь.

Наибольшей популярностью для исследований функционирования прецедентности пользуется дискурс масс-медиа, при анализе которого учеными были сделаны некоторые схожие выводы. Так, С. И. Сметанина, утверждает, что прецедентные тексты «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, своеобразно вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [Сметанина 2002: 123]. По мнению Н. В. Немировой, прецедентность контекста «позволяет наиболее ярко выразить политические пристрастия автора-публициста» [Немирова 2003: 153]. Н. И. Клушина акцентирует внимание на двух основных тенденциях в использовании прецедентных антропонимов в дискурсе современных печатных СМИ. Первая из них состоит в экспрессивной игре со словом, которая призвана привлечь внимание читателя. Вторая тенденция – идеологическое использование антропонима, «когда он становится оценкой (часто противоречащей сложившемуся в обществе этическому канону), являясь грозным оружием в руках умелых журналистов» [Клушина 2002: 53]. Автор убежден, что «антропонимика в современной газете является мощным механизмом создания положительного или отрицательного политического портрета» [Клушина 2002: 55].

При исследовании политической коммуникации выделяют следующие функции прецедентных феноменов: опознавательную, поэтическую и референтивную [Филинский 2002: 53]; экспрессивную, оценочную, идеологическую и консолидирующую [Базылев 2005: 14–16]. В диссертации О. А. Ворожцовой, посвященной сопоставительному исследованию прецедентности в российском и американском предвыборном дискурсе, рассмотрены следующие функции прецедентных феноменов: когнитивная (представлена номинативной, оценочной, моделирующей, инструментальной, гипотетической разновидностями), коммуникативная, прагматическая и эстетическая (делится на изобразительную и экспрессивную) [Ворожцова 2007]. В основу этой классификации положена классификация функций метафоры, предложенная А. П. Чудиновым [Чудинов 2001].

В диссертациях, посвященных использованию прецедентных феноменов в рекламном дискурсе, особое внимание обращается на их манипулятивную функцию, прагматическое воздействие на адресата [Кушнерук 2006; Пикулева 2003]. В диссертации М. В. Терских персуазивная функция соотносится с функцией авторитетности, основанной на том, что прецедентные тексты обладают определенной культурной значимостью. Далее рассматриваются аттрактивная функция, которая основана на использовании известного текста в новом контексте для привлечения внимания, игровая (людическая) функция, основанная на использовании игровых приемов и тесно связанная с эстетической функцией. Автор выделяет также другие функции: делимитативную (адресация рекламы определенной референтной группе) и имиджеобразующую, ориентированную на создание позитивного имиджа [Терских 2003: 20–22].

При характеристике художественного дискурса Н. А. Фатеева сформулировала следующие функции прецедентного текста: введение в текст некоторой мысли или конкретной формы представления мысли; включение данного текста в более широкий культурно-литературный контекст; создание подобия тропеических отношений на уровне текста; в качестве дополнительной выделяется конструктивная, текстопорождающая функция [Фатеева 2000: 37–39]. Ю. Ю. Саксонова при анализе прецедентности указывает на следующие цели: 1) вызвать узнавание у читателей; 2) создать комический эффект путем столкновения различных дискурсов; 3) поддержать развитие сюжета. В художественных произведениях выделенные функции чаще всего совмещаются [Саксонова 2001: 15].

В диссертации, посвященной функционированию прецедентных феноменов в разговорной речи, у них выделяются оценочная, характеризующая, коммуникативная, конативная и экспрессивная функции [Гулько 2002: 18], а в исследовании, посвященном изучению смеховых жанров, – номинативная, персуазивная, людическая и парольная [Слышкин 2000: 85–104].

Обнаруженные расхождения в функционале прецедентных текстов объясняются, во-первых, тем, что рассматриваются различные виды дискурса (научный, художественный, медийный, бытовой, политический и др.), а во-вторых, тем, что одни специалисты говорят только о функциях прецедентных имен, а другие – о функциях прецедентных текстов в целом. Следует учитывать также принадлежность исследователей к той или иной научной школе, различия в представлениях о том, что такое функции прецедентных текстов.

Однако в рассмотренных классификациях можно выявить общие моменты. Различные авторы выделяют следующие виды функций:

- оценочную;
- поэтическую, к которой близки эстетическая и декоративная;
- экспрессивную;
- консолидирующую, к которой близка парольная и опознавательная функции;
- номинативную;
- коммуникативную;
- людическую, связанную с языковой игрой;
- прагматическую;
- референтивную, или референционную.

Отдельные специалисты выделяют также следующие функции: идеологическую, характеризующую, конативную, персуазивную, когнитивную, интертекстуальную, текстопорождающую, персуазивную, имиджеобразующую.

Для настоящего исследования преимущественный интерес представляют следующие функции:

1. Функция оценки. Прецедентные имена – важное средство эмоциональной оценки, они не претендуют на логическую законченность, на точность формулировки, но ярко выражают субъективное отношение автора.

Как подчеркивает Д. Б. Гудков, оценка, выраженная с помощью прецедентных феноменов, не претендует на объективность, она подчеркнута эмотивна и субъективна [Гудков 2003: 157].

2. Моделирующая функция состоит в формировании представлений о мире в виде модели. Прецедентные тексты – важная часть национальной языковой картины мира. С их помощью тому или иному реальному лицу приписываются определенные качества, эталонным носителем которых обычно выступает прецедентное имя.

3. Прагматическая функция заключается в воздействии на адресата. Прецедентные феномены – мощное средство воздействия, они помогают переформатировать картину мира, имеющуюся у адресата. Прецедентные феномены задают определенную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества, объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим».

4. Эстетическая функция связана с тем, что прецедентные имена воспринимаются как способ эстетической оценки мира и привлекают к себе внимание необычной формой выражения. Так как прецедентные тексты часто анализируются как из разновидности метафоры, то их восприятие во многом аналогично восприятию метафоры – одного из главных средств эстетического воздействия.

5. Парольная функция. Прецедентные имена, используемые в речи, часто служат для обнаружения общности ментально-вербальной базы автора и читателя. Читатель, откликаясь на пароль, названный автором, становится как бы «своим», «посвященным». Таким образом, читатель и автор образуют своего рода «команду», группу единомышленников, понимающих друг друга и отделяющих себя от «непосвященных».

6. Людическая функция. Зачастую реализованные в художественном тексте прецедентные единицы играют роль составляющих языковой игры: автор задает загадку, а читатель ищет на нее ответ в тексте повествования.

Функцией такой загадки является акцентирование читательского внимания на форме текста, снижение напряженности общения между автором и реципиентом и изменение общения на более неформальное.

7. Эвфемистическая функция. В некоторых случаях автором могут быть использованы прецедентные тексты с целью смягчить высказывание, сделать его менее резким, менее конкретным и, в конечном итоге, выразить необходимую информацию в неагрессивной форме.

Важно подчеркнуть, что все названные функции прецедентных текстов реализуются в комплексе, хотя в тех или иных контекстах может преобладать одна из них. При определении этих функций важно учитывать не только содержание текста, но соотношение текста с дискурсом.

1.1.4 Методы анализа прецедентных текстов

Для научного исследования методика и приёмы анализа играют основополагающую роль и зависят от научной школы, которой принадлежит автор работы, целей и задач исследования, анализируемого материала, и, безусловно, на выбор влияет наиболее современная тенденция в исследованиях и опыт, накопленный в науке в сфере подобных исследований. Таким образом, для выбора алгоритма анализа, наиболее полно соответствующего целям нашей работы, необходимо учитывать всю вышеуказанную специфику методов и материала, на котором они базируются.

Наиболее распространённым является анализ прецедентных текстов с точки зрения определения сфер-источников, к которым они принадлежат, которым занимались следующие специалисты: Е.А. Земская [1996], С.Л. Кушнерук [2006], Е.А. Нахимова [2004], Г.Г. Слышкин [2000], Р.Л. Смулаковская [2004], А.Е. Супрун [1995].

Следующим распространённым аспектом анализа является фиксирование трансформаций, представленных в прецедентных феноменах, если таковые имеются. Данный тип анализа представлен в работах следующих ученых: О.С. Боярских [2007], Е.А. Земская [1996], М.Ю. Илюшкина [2004], О.А. Солопова [2004], А.Е. Супрун [1995]. Здесь, как правило, выделяются два вида трансформаций: лексические и синтаксические, которые рассматриваются в разнообразных проявлениях.

Некоторые исследователи анализируют связи прецедентных текстов, обычно высказываний и имён, с породившими их текстами или ситуациями: О.С. Боярских [2007], В.В. Красных [2002]. Здесь выделяются прецедентные высказывания, которые утратили связь с породившим их текстом или ситуацией и приобрели статус автономных, и прецедентные высказывания, полное понимание которых возможно только при апелляции к породившему их источнику (прецедентному тексту) или при соположении с прецедентной ситуацией. Среди прецедентных имён выделяют прецедентные имена, которые связаны с конкретным текстом или ситуацией, и те, происхождение которых сложно ограничить одним текстом, так как тот или иной персонаж является героем нескольких произведений, данное явление особенно характерно для фольклора.

Также некоторые учёные акцентируют внимание на маркированность / немаркированность прецедентных текстов и приводят типологии маркеров: Н.С. Бирюкова [2005], Е.В. Михайлова [1999].

Так, Н.С. Бирюкова использует следующую классификацию маркеров: библиографическая ссылка, ссылка на автора, расширенная ссылка на автора, ссылка на название произведения, двойные ссылки, неопределённые ссылки, другие виды ссылок на источник, использование лексических и грамматических показателей не вполне традиционного смысла имени и графическое указание на прецедентность [Бирюкова 2005: 35–41].

Д. Б. Гудков [2003] и С. Л. Кушнерук [2004] выделяют низкоконтекстные и высококонтекстные культуры, где для первого типа

характерно использование прецедентных текстов с целью называния объекта, личности или ситуации. Отличительным признаком высококонтекстных культур является использование прецедентности для характеристики предмета, человека или события, выражения оценки и личностного отношения. Исследованию подвергаются также взаимодействия прецедентных феноменов друг с другом.

Ряд учёных – Д. Б. Гудков [2003], Н. В. Немирова [2003], Р. Л. Смулаковская [2003] – исследуют механизмы построения и развертывания прецедентных цепочек, в которых один прецедентный феномен актуализирует другой. Подобный способ актуализации прецедентных феноменов создает яркий сложный образ, который развёртывается постепенно, но его расшифровка требует от читателя высокого уровня ознакомленности как с дифференциальными признаками, так и с атрибутами конечного феномена этой цепочки: прецедентного текста или прецедентной ситуации. Исследование прецедентных цепочек создает представление о структуре когнитивной базы национально-лингвокультурного сообщества посредством установления связей между её элементами – прецедентными феноменами.

В.В. Красных и Е.А. Нахимова разрабатывают полевую структуру прецедентных феноменов, в которой выделяют свой центр и периферию. Центр составляют прецедентные феномены, апелляции к которым наиболее частотны в дискурсе определённого периода времени, то есть те, которые выражают наиболее актуальные ценности определённого лингвокультурного сообщества на конкретном этапе исторического развития. К периферии относятся те прецедентные феномены, которые потенциально существуют в когнитивной базе народа, но обращение к ним не является частотным. При этом В.В. Красных указывает, что с течением времени под влиянием происходящих социальных изменений прецедентные феномены могут перемещаться из центра на периферию и наоборот или вообще терять прецедентность [Красных 2003].

Е.А. Попова, анализируя то, что в нашем понимании является прецедентными высказываниями, а в терминах автора это интертекстуализмы, предлагает другой подход к полевой структуре. Согласно её трактовке ядро поля составляет маркированная цитата, периферию – косвенная речь и аллюзия [Попова 2010].

Производятся также сопоставительные исследования особенностей использования прецедентных феноменов в разных лингвокультурах. Например, С.Л. Кушнерук исследовала употребление прецедентных феноменов в российской и американской рекламе, акцентируя при этом внимание на содержательно-семантических и функциональных свойствах прецедентных имён. В работе исследуются связи прецедентных имён с широко известными текстами и ситуациями, выделяются однополюсные и многополюсные прецедентные имена. При анализе функциональных свойств прецедентных имён в российской и американской рекламе рассматриваются особенности актуализации дифференциальных признаков прецедентных имён и соотнесённость прецедентных имён с первичным денотатом. Исследование приводит автора к выводу о том, что использование прецедентных имён в рекламном дискурсе различных лингвокультур соответствует особенностям механизмов речевого воздействия, свойственным каждой из национальных культур [Кушнерук 2006].

С.К. Павликова, проводя сопоставительный анализ прецедентных высказываний на материале русской и американской публицистики, рассматривает этот тип прецедентных феноменов как текстовую самостоятельную репрезентативную единицу в лексиконе индивида, выявляя структуру психологических связей стоящих за прецедентным высказыванием. В результате эксперимента по свободной классификации прецедентных высказываний автор приходит к выводу о том, что значение прецедентного высказывания строится не только на понятийно существенных признаках, но преимущественно на «сильных» признаках, которые связаны с наиболее сильными аффективными переживаниями

индивида. Указывая на зависимость между прецедентными высказываниями и культурно-историческими условиями общения, С.К. Павликова говорит о тенденции к изменению контекста употребления прецедентных высказываний в рамках одной культуры и о наличии лакун в тезаурусе прецедентных высказываний различных лингвокультур, а также предлагает пути преодоления подобных трудностей при переводе прецедентных высказываний [Павликова 2005].

О.В. Спиридовский, анализируя то, на какие тексты делаются ссылки в президентском дискурсе США, Германии и Австрии, указывает, что типология авторства в президентском дискурсе США, Германии и Австрии обнаруживает много общих характеристик. Во всех исследованных лингвокультурах присутствуют ссылки на президентов-предшественников, других политических деятелей, людей науки, искусства, литературы и библейские тексты. Преобладание одного из указанных видов ссылок в президентском дискурсе каждой из стран автор объясняет национально-культурной спецификой [Спиридовский 2006].

Приведённые данные позволяют сделать вывод о том, что исследователи предпочитают комплексный подход к анализу прецедентных феноменов, рассматривая несколько аспектов одновременно для получения полноценной картины. О.С. Боярских [2007], Е.А. Земская [1996], М.Ю. Илюшкина [2004], О.А. Солопова [2004], А. Е. Супрун [1995] в своих исследованиях работали с проблемами трансформации ПТ, и мы будем опираться на их методы, так как целью нашей работы является исследование и описание особенностей авторской трансформации прецедентных текстов различного происхождения в иноязычном художественном произведении.

1.2 Особенности дискурса англоязычного городского фэнтези

Понятия прецедентности, интердискурсивности и интертекстуальности неотделимо связаны с понятием «дискурс», так как именно в дискурсе происходит реализация и трансформация прецедентных текстов. Говоря о понятии «дискурса», следует отметить, что сложно выделить его общепризнанное определение, которое бы отражало все возможные случаи его использования, так как данное понятие является достаточно многогранным и неоднозначным и, следовательно, возникает множество трактовок этого понятия и способов его анализа, что требует целого ряда исследований ученых-лингвистов.

Одним из наиболее емких и актуальных определений понятия «дискурс» нами считается его трактовка как «речи, погруженной в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137].

При работе с дискурсом необходимо понимать, что и широкое, и узкое понимание этого понятия включает в себя его употребление относительно каких-либо конкретных объектов в заданной обстановке и контексте. Важным фактором для проведения работ по анализу дискурса является его динамичность, благодаря которой он исследуется в текущем режиме и в текущем времени, по мере своего появления и развития. Одна из сторон дискурса обращена к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, интерпретации и для выяснения его импликаций.

Понятие «дискурс» на настоящий момент преобладает в исследованиях современных ученых, так как оно меняет традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и даже языке. Наиболее четко выделяются три основных класса употребления термина «дискурс», соотносящихся с национальными традициями и трактовками различных авторов.

Первый класс включает в себя собственно лингвистические употребления термина «дискурс», исторически первым из которых было его использование американским лингвистом З. Харрисом в статье «Дискурс – анализ» [Harris 1952], где были описаны его попытки уточнить и

модифицировать традиционные понятия речи, текста и диалога через понятие «дискурса». В чисто лингвистическом спектре дискурс понимается как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию и, следовательно, как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида. Главным образом первый класс пониманий термина «дискурс» представлен в англоязычной научной традиции.

Второй класс употреблений термина «дискурс» последние годы вышел за рамки науки и стал наиболее популярным в публицистике. Дискурс в данном понимании – это стилистическая специфика, которую сопровождает идеология. Более того, полагают, что способ говорения во многом предопределяет и создает саму предметную сферу дискурса, а также соответствующие ей социальные институты.

Третий вид употребления термина «дискурс» может считаться видовым по отношению к предыдущему, но обладает значительной спецификой. В данном понимании дискурс является особым идеальным видом коммуникации, осуществляемым в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, целью которого считается критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации.

Важно отметить, что все три вышеперечисленных точки зрения (а также их разновидности) не исключают, а скорее, дополняют одна другую и находятся в тесном взаимодействии.

Учитывая лингвистическую направленность данной работы, мы придерживаемся употребления термина «дискурс», принятого в англоязычной научной традиции. Так, Профессор Амстердамского университета Т. Ван Дейк, посвятивший большое количество работ изучению вопросов дискурса, понимает его как комплексное коммуникативное событие, составляющими которого является наличие адресата и адресанта, а также коммуникативного действия, происходящего в определенном

контексте (временном, пространственном, и т.д.). Ван Дейк определяет дискурс в широком смысле как коммуникативное событие, которое может быть речевым или письменным, иметь вербальные или невербальные составляющие и происходить между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в конкретном контексте [Van Dijk 1998: 202]. В узком смысле под дискурсом понимается завершённый или продолжающийся письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия, который интерпретируется реципиентами [Van Dijk 1998: 14]. В нашем исследовании данным типом завершённого вербального коммуникативного действия является художественное произведение, а читатели – его реципиентами, воспринимающими ПТ, реализованные в данном типе дискурса.

Художественный дискурс обладает перечнем особенностей, отличающих его от остальных типов дискурса, что влияет на способы введения ПТ в литературный текст, на специфику его трансформаций и восприятия реципиентами. Кроме отличительных черт литературного дискурса и его узкой части – дискурса англоязычного городского фэнтези – необходимо упомянуть и о жанровых спецификациях городского фэнтези, которые в некоторой степени формируют авторский идиостиль и, соответственно, влияют на выбор автором того или иного типа трансформаций ПТ.

Литературный жанр и литературный дискурс соотносятся как часть и целое. Жанр можно определить как устойчивую художественную форму, обладающую определенными тематическими, композиционными и стилистическими характеристиками, тогда как дискурс – это одна из разновидностей личностно-ориентированного дискурса, включающая в себя особые механизмы воздействия на читателя.

Дискурс снимает ограничения, налагаемые жанром, что дает автору возможность выйти за границы жанра. Жанр представляет собой схему, состоящую из определенной совокупности элементов, тогда как дискурс,

будучи процессом коммуникации, включает в себя и субъективный фактор – читателя.

Обращаясь к дискурсу фэнтези, мы имеем возможность исследовать когнитивные механизмы функционирования прецедентных феноменов в процессе порождения и восприятия текста. Сам жанр фэнтези представляет собой устойчивую художественную форму, обладающую определенными композиционными, стилистическими и тематическими характеристиками, тогда как дискурс – это коммуникативное взаимодействие автора и читателя, процесс порождения и восприятия текста, целью которого является развлечение читателя.

Урбанистическая ориентированность современного общества отражается на всех современных продуктах масс-медиа и литературы, благодаря чему особую популярность набирает городское фэнтези, которое обладает всеми ярко выраженными чертами жанра фэнтези, но имеет ряд особенностей, которое отличает его от других поджанров, например, эпического фэнтези.

А.А. Новичковым были отмечены три основных элемента фэнтези:

1. эсхатологический: произведение базируется на модели конца света авторского вторичного мира;
2. эпичный: величаво-спокойное изложение наиболее значимых событий;
3. этнографический: детальная проработка деталей вторичного мира [Новичков 2013: 15].

Важно отметить, что многими литературоведами выделяется ряд устойчивых признаков, которые отличают литературу фэнтези от прочей нереалистической литературы и создают определенный канон жанра. Такими отличительными чертами можно назвать:

1. антиверистичность, научная непроверяемость, которая разграничивает жанры фэнтези и научной фантастики;

2. наличие сверхъестественных элементов как данности, не требующей объяснений, в отличие от жанра ужасов;
3. ярко-выделенный психологизм повествования и гибкий сюжет разграничивает фэнтези и сказку;
4. сознательная художественная реконструкция мифов и их авторское переосмысление отличает фэнтези от мифа, на котором оно строится;
5. использование автором прошлого определенной нации или части страны в качестве опорного материала, источника вдохновения для создания собственного повествования, разграничивая фэнтези и эпос.

И.А. Столярова при анализе особенностей перевода комического в литературе жанра фэнтези, отметила следующие основополагающие составляющие жанра:

1. существование мира, созданного автором, у которого наблюдаются характеристики, невозможные для реального мира;
2. наличие магии и волшебных существ, явлений;
3. авантурный сюжет: поиск, странствие, война и др.;
4. противопоставление технического прогресса и магии, зачастую в пользу волшебства;
5. существование потустороннего, обычно параллельного, мира и его проявлений;
6. полная свобода автора в построении сюжета в виду существования иного мира и его законов, которые могут противоречить реальности или даже логике [Столярова 2009: 17].

Говоря об особенностях непосредственно самого городского фэнтези, следует упомянуть, что для произведений данного жанра характерно:

1. наличие хронотопа «здесь и сейчас»: действие происходит в современных для писателя реалиях в основном реально существующих городах;

2. акцент на теме смерти;
3. изображение ужасного, что последовало от европейской готической литературы;
4. изображение большей части действий героя в темное время суток, когда герой дезориентирован в пространстве;
5. психологизм, когда акцентируются по большей части личные переживания центрального персонажа и его внутренний мир;
6. онирические мотивы: сны, измененные состояния сознания, галлюцинации [Шарапенкова 2012: 15].

Из вышесказанного следует, что автор имеет возможность отвергнуть реалистический принцип повествования описывать действия персонажа, невозможные в другом жанре – приключения, происходящие в загробной жизни, которые преимущественно представляются читателю через сон главного героя.

Важно упомянуть, что городское фэнтези традиционно строится на таком жанре как городская легенда. По мнению Д.К. Равинского, городская легенда есть «словесное закрепление особого типа восприятия города, его “переживания”» [Равинский 2003: 409].

Под городской легендой мы будем понимать «устный прозаический рассказ, основным содержанием которого является описание возможных или реальных фактов прошлого» [Майер 2008: 5], тематика которого «определяется жизнью города или пригородной зоны» [Ланская 2006: 4].

Е.В. Смирнова настаивает на том, что «городская легенда – это текст, который интригует, захватывает, текст, претендующий на сенсацию» [Смирнова 2010: 117]. Безусловно, высокий уровень эмоционального воздействия на читателя, отличающий городскую легенду от других мифических повествований, нередко заставляет писателей снова и снова обращаться к любимившемуся сюжету, что можно увидеть и на примере анализируемого автора Нила Геймана, который строит на городских легендах

не только «Американских богов», но и другие произведения: «Никогда», «Сыновья Ананси» и «История с кладбищем».

В произведениях городского фэнтези можно обнаружить следующие мотивы, которые писатели заимствуют у городских легенд:

1. проклятые / населенные сверхъестественными существами дома;
2. дом колдуна / колдуньи;
3. проклятое место;
4. проклятые / удивительные вещи;
5. мотив тайного здания, мотив тайного памятника — реально существующий объект, который имеет тайное значение, известное лишь узкому кругу «посвященных».

В отличие от традиционного фэнтези, городское фэнтези выделяется установкой на достоверность, для чего подробно описывается место действия и чаще всего отдается предпочтение реально существующим топонимам. Так, во время написания «Американских богов» Нил Гейман вел онлайн-журнал, где отмечал реальные локации в США, которые он посетил и описал в книге как место действия городских легенд. Избранные главы данного журнала были впоследствии добавлены в более поздние печатные версии книг.

Подводя итоги, подчеркнем, что в центре городской легенды, на которой строится городское фэнтези, мы чаще всего видим человека, такого же жителя города, как и все остальные, только наделенного сверхъестественными способностями\ попадающего в сверхъестественные ситуации. Авторы городского фэнтези также нередко используют данный тип персонажа для развития темы конфликта колдунов\богов и иных мифических существ с обычными людьми, рядовыми обывателями. Тот факт, что победа может достаться как одной, так и другой стороне, подчеркивает принципиальную неразрешимость противоборства Добра и Зла, являясь идеологической основой жанра.

Итак, проведённое исследование теоретических основ изучения прецедентных феноменов в литературном дискурсе позволяет сделать несколько выводов. На современном этапе развития лингвистики и массовой культуры теория прецедентности имеет большой потенциал для исследования, как в лингвистических науках, так и в ряде других областей, среди которых кинематограф, изобразительное искусство, что выражается в многообразии подходов к критериям выделения прецедентных текстов и различии в их номинации. Так, в нашем исследовании мы будем пользоваться терминами из классической классификации Д.Б. Гудкова: прецедентный текст (далее – ПТ), прецедентный феномен (ПФ), прецедентная ситуация (ПС), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентное описание (ПО) и прецедентное имя (ПИ).

Вследствие различий в подходах к номинации и выделению ПТ в различных лингвистических школах появляется и разница в подходах к выделению ПТ в различных типах дискурса. Так, нами были отобраны следующие критерии для выделения прецедентности текста в литературном дискурсе:

- графические признаки (написание со строчной буквы);
- пунктуационные признаки (использование кавычек);
- морфологические признаки (образование форм множественного числа);
- синтаксические признаки (использование специфических определений);
- лексико-семантические признаки (специфические синонимические или антонимические связи);
- контекстуальные признаки (использование в специфическом контексте);
- дискурсивные и иные особенности использования соответствующего текста;

- общеизвестность соответствующих феноменов;
- регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен и высказываний в текстах.

Следует отметить, что в ходе анализа теоретической базы исследований ПТ было отмечено, что прецедентные тексты могут выполнять различные функции в зависимости от дискурса, в котором они реализуются. Так, в анализируемом нами литературном дискурсе городского фэнтези ПТ преимущественно выполняют следующие функции:

- функция оценки,
- моделирующая функция,
- прагматическая функция,
- эстетическая функция,
- парольная функция,
- юридическая функция,
- эвфемистическая функция.

Таким образом, ПТ в литературном дискурсе могут выполнять различные функции, что влияет на тип авторской трансформации ПТ в данном виде дискурса.

ГЛАВА 2. АВТОРСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ГОРОДСКОГО ФЭНТЕЗИ

В данной главе будут рассмотрены и выделены наиболее продуктивные сферы-источники прецедентных текстов; описаны типы трансформаций прецедентного текста в художественном дискурсе, проанализированы и выделены особенности трансформаций прецедентных текстов из романа Нила Геймана «Американские боги» и сделан вывод о национально-культурной и жанровой обусловленности использования прецедентных текстов в дискурсе городского фэнтези.

Прежде чем обратиться непосредственно к разбору сфер-источников и типов трансформации ПТ, необходимо кратко изложить сюжет анализируемого произведения, так как он играет большую роль в понимании причин авторского обращения к ПТ и помогает определить и обосновать ряд особенностей авторского идиостиля. «Американские боги» – это роман британского писателя Нила Геймана, главной идеей которого является мысль, что все боги и существа из фольклора живут в современном мире, принимая облик людей, а их благополучие и жизнь зависят от того, насколько люди в них верят. Таким образом, главный герой, находясь в современной Америке, вместе с читателями встречается инкарнации мифических существ, преимущественно богов, но не догадывается об этом до кульминации произведения. Сам автор ставит читателей на привилегированную позицию и дает понять, кем же реально являются персонажи, путем намеков и развернутых описаний героев, в которых по большей части используются ПТ и их различные типы трансформаций. Однако, следует отметить, что важную роль при восприятии ПТ в художественном тексте играет уровень общекультурной компетентности читателя, его энциклопедичности, так как далеко не всегда, как мы уже

отмечали, в тексте имеются вербальные или графические маркеры прецедентности.

Именно поэтому на одном из первых этапов анализа – этапе сбора фактического языкового материала – мы столкнулись с некоторыми трудностями, обусловленными значительной долей субъективности при квалификации вербальной единицы как прецедентной вообще и прецедентного феномена или имени в частности, вследствие чего для определения прецедентности контекста пользовались словарями мифов и фольклора, современными онлайн-словарями, работами по анализу анализируемого произведения и заметками самого автора.

2.1 Сферы-источники прецедентных текстов

Каждый из лингвистов, работающих над проблемами актуализации ПТ в определенном типе дискурса, предлагает свою классификацию сфер-источников прецедентных феноменов. Приведём для примера некоторые из них. Так, Е.А. Земская [1996], анализируя заголовки газетных статей, выделяет следующие источники ПТ: стихотворные произведения, прозаические художественные произведения, известные песни, названия кинофильмов, пословицы, поговорки, крылатые выражения, выражения эпохи социализма, Священное Писание.

А.Е. Супрун [1995] в своих работах приводит следующий список источников прецедентности: фольклор, Библия, произведения античной мифологии и литературы, произведения древнерусской, русской и мировой литературы, популярные песни, кинофильмы, политические тексты, детская литература.

При анализе сфер-источников специалистами было отмечено, что прецедентные феномены, восходящие к одной сфере-источнику, образуют своеобразное поле прецедентных феноменов, в составе которого выделяется

целая система прецедентных имен, событий, высказываний и текстов, составляющих развернутую подсистему фреймов. Подобное поле во многом оказывается аналогичным ментальному полю, служащему источником для метафорических моделей, однако между двумя указанными феноменами можно обнаружить и существенные различия.

Для комплексного описания поля прецедентных феноменов должны быть охарактеризованы следующие его существенные признаки:

1. Исходная понятийная область, то есть сфера-источник для соответствующего ментального поля (например, «театр», «литература», «история», «музыка», «спорт» и др.). Во многих случаях в составе того или иного ментального поля-источника можно выделить своего рода подполя, группы и иные подобные единицы.

2. Новая понятийная область, то есть сфера-магнит (сфера-мишень) для соответствующего ментального поля (например, «политика», «реклама», «сфера развлечений» и др.). Аналогично, в составе того или иного ментального поля-магнита можно выделить своего рода подполя, группы и иные подобные единицы. В настоящей работе рассматриваются только ментальные поля прецедентных феноменов, относящихся к сфере-магниту «литература».

3. Типы прецедентных феноменов по уже указанным классификациям, относящихся к единому ментальному полю.

4. Относящиеся к соответствующей сфере фреймы, концепты, сценарии, скрипты и иные ментальные единицы, каждая из которых представляет определенную часть соответствующего смыслового поля.

При необходимости это описание может быть дополнено характеристикой продуктивности соответствующего поля (его способности к развертыванию в тексте и дискурсе) и сведениями о частотности составляющих данное поле единиц. Полезной может быть также дискурсивная характеристика поля прецедентных феноменов, то есть описание типичных для данного поля концептуальных векторов,

прагматических интенций и эмотивных характеристик, дополненное сведениями о взаимосвязи данного поля с другими полями и с другими составляющими текста и дискурса. Во многих случаях можно обнаружить также элементы взаимодействия между полем прецедентных феноменов и соответствующим метафорическим полем.

Целенаправленный анализ функционирующих в художественной сфере ментальных полей прецедентных источников может способствовать обнаружению специфических свойств современной иноязычной литературы и выявлению тенденций развития литературного дискурса, в частности, городского фэнтези.

Обращаясь к нашему исследованию, следует отметить, что вышеназванная методика анализа сфер-источников ПТ не будет результативной в свете того, что сферой-мишенью является исключительно литература, а сферой-источником для большинства контекстов послужили городские легенды, мифы и народные сказания, что отражает специфику жанра и позволяет назвать ментальное поле мифов наиболее продуктивным. Тем не менее, был проведен сопоставительный анализ и выделены источники интертекстуальности, превалирующие в анализируемом произведении.

Так, наиболее продуктивным полем-источником являются мифы, а продуктивность подполей прямо пропорциональна важности персонажей, репрезентующих данные мифологии в тексте. Следовательно, наиболее полным и продуктивным полем-источником будет скандинавская мифология, представленная трансформированными прецедентными именами, описаниями, ситуациями, затем по убыванию количества контекстов будут представлены английский, точнее, ирландский, фольклор, древнеегипетская мифология, сфера рекламы, гастрономическая сфера и т.д.

Рис.1. Количественное сопоставление сфер-источников прецедентности в романе «Американские боги» Нила Геймана

2.2 Трансформация прецедентного текста в художественном дискурсе

В ходе исследования различных типов дискурса лингвистами было составлено несколько типологий трансформации ПТ, где особенность каждой типологии зависит от целей анализа и лингвистических особенностей рассматриваемого дискурса.

Так, изучая способы создания квазицитаты, О. В. Фокина выделяет три основных вида трансформации:

1. количественную;
2. качественную;
3. комплексную [Фокина 2008: 42].

При этом внутренними типами количественной трансформации названы усечение и расширение, качественная трансформация может быть фонетической, лексической и морфологической.

Выбор в качестве единого основания классификации типа логической операции позволяет противопоставить замену, расширение и усечение и заставляет отказаться от противопоставления количественной и качественной трансформации и выделить такие типы трансформации как замена компонента, распространение и усечение. Следует отметить, что сочетание разных типов трансформации, например замена компонента и усечение, вполне возможно и зачастую используется авторами художественных произведений.

Замена компонента является наиболее частотным типом трансформации, обуславливая формальную, семантическую и формально-семантическую трансформации прецедентного высказывания. Формальная трансформация – это замена слова прецедентного текста близким по звучанию словом на основе омофонии и паронимии:

Семантическая трансформация – это замена слова прецедентного текста близким по значению словом на основе синонимии и антонимии.

Формально-семантическая трансформация – это замена слова прецедентного текста близким по звучанию и значению словом на основе словообразования, а также словообразования и словоизменения:

Следует упомянуть и об особом типе трансформации – транспозиции, нулевой трансформации, то есть о новом прочтении нетрансформированного прецедентного высказывания: Благодаря широкому распространению этого приёма в качестве художественного средства выразительности может быть использован термин «интертекстуальная транспозиция» [Высоцкая 2011: 115], однако, некоторые специалисты предпочитают термин «интердискурсивная транспозиция», так как источниками прецедентности становятся заимствования не только из иных текстов, но и из других дискурсов: художественного и кинематографического.

Обращаясь к проблеме актуализации прецедентных феноменов в тексте, Ф. С. Рагимова рассматривает трансформацию как формально-смысловое моделирование и выделяет шесть видов трансформации:

- 1) субституция;
- 2) импликация;
- 3) экспликация;
- 4) изменение функциональной модальности;
- 5) контаминация;
- 6) смешанное трансформирование [Рагимова 2011: 80 – 101].

Представленная выше триада «замена – усечение – распространение» описана в иных терминах: «субституция – импликация – экспликация». Однако не все специалисты разделяют подобный взгляд на терминологию и, если использование термина «субституция» в качестве «замещения компонентного состава» может быть оправдано, то отождествление импликации и «редукции», экспликации и «расширения» представляется слишком широким и не совпадает с общепринятой точкой зрения на прецедентность [Рагимова 2011: 81].

Отдельным типом трансформации может быть названо изменение функциональной модальности. Под данным термином рассматриваются «переход высказывания из одной модальности в другую, например переход утвердительного высказывания в вопросительное», и «переход утвердительного высказывания в отрицательное и наоборот» [Рагимова 2011: 90].

Отметим, что изменение функциональной модальности может сопровождаться определенной сегментацией. Кроме того, контаминация, или междусловное наложение, может привести к созданию окказионализма.

Анализ научных исследований языка, реализуемого в различных типах дискурса, позволяют выделить следующие типы трансформации прецедентных феноменов:

- замена компонента (на основании формальной, семантической и формально-семантической связи);
- распространение;

- усечение;
- изменение функциональной модальности;
- контаминация;
- смешанная трансформация;
- нулевая трансформация (интердискурсивная транспозиция).

Важно отметить, что одна и та же логическая операция, указанная выше, обуславливает разные виды трансформации с использованием различных ресурсов языка. Так, замена компонента может осуществляться на основании формальной, семантической или формально-семантической связи и задействовать разные языковые механизмы. Таким образом, определенный тип трансформации ПТ может быть соотнесен и назван более популярным при актуализации в том или ином дискурсе различных типов прецедентных текстов.

В нашем исследовании для анализа особенностей трансформаций ПТ в дискурсе городского фэнтези мы будем пользоваться дополненной типологией способов трансформации, разработанной И.В. Высоцкой [2010]:

1. замена компонента ПТ:

- формальная трансформация на основе омофонии\ паронимии;
- семантическая трансформация на основе синонимии\ антонимии;
- формально-семантическая трансформация на основе словообразования\ словоизменения;

2. распространение ПТ:

- с помощью конкретизатора;
- с помощью отрицания;

3. усечение ПТ;

4. транспозиция (нулевая трансформация)

5. контаминация;

6. изменение функциональной модальности

7. смешанная трансформация.

2.2.1 Замена компонента прецедентного текста

Самым распространенным приемом трансформации ПТ, по нашим наблюдениям, является замена компонентов исходного текста, при этом важно отметить, что при этом степень сохранения самого ПТ может быть разной: автор может оставить лишь одно слово от самого прецедентного высказывания, достаточное для узнавания ПТ реципиентами, при этом степень сохранности текста-источника может равняться нулю. Зачастую, узнаваемость текста сохраняется благодаря параллельным синтаксическим конструкциям и наличию парадигматических отношений между компонентами обоих текстов. Независимо от степени сохранения исходного ПТ, авторская трансформация анализируется по механизму образования – языкового средства, которое лежит в ее основе. Так, замена компонента может быть проведена на основании формального или семантического свойства компонентов.

Формальная трансформация определяется нами как замена лексемы ПТ близким по звучанию словом на основе омофонов и паронимов.

Как уже было упомянуто, сюжет «Американских богов» закручен вокруг мифических существ, о существовании которых протагонист произведения не догадывается. Однако автор дает читателям понять о реальной сущности представленных героев во многом благодаря их номинации. Так, некоторые прецедентные имена трансформируются при помощи омофонов, слов с одинаковым звучанием, но разным написанием и, соответственно, значением.

Ввиду того, что центральными персонажами являются представители скандинавской и германской мифологии, прецедентные имена и описания из данной сферы-источника превалируют в тексте. Так, автор использует

омофон Low Key для многочисленных подсказок читателю, а затем и самому персонажу о том, что перед ними находится сам Локи (Loki):

1. *Somewhere around the middle of year two he mentioned his theory to Low Key Lyesmith, his cellmate* [Neil Gaiman 2001: 28].
2. *Low Key, who was a grifter from Minnesota, smiled his scarred smile* [Neil Gaiman 2001: 28].
3. *Lyesmith kept his orange-blond hair pretty much shaved. You could see the lines of his skull* [Neil Gaiman 2001: 29]. Эти три контекста вводят в повествование второстепенного персонажа Локи через его восприятие главным героем, который не имеет ни малейшего представления о том, кто на самом деле перед ним находится, поэтому даже неоднократное повторение имени не помогает понять истинную природу этого персонажа вплоть до самой кульминации всего сюжета.
4. *“Jesus. Low Key Lyesmith,” said Shadow, and then he heard what he was saying and he understood. “Loki,” he said. “Loki LieSmith.” “You’re slow,” said Loki, “but you get there in the end.”* [Neil Gaiman 2001: 1350].

Как уже было отмечено, восприятие реципиентами ПТ зависит от степени ознакомления с материалом-источником, вследствие чего, не все читатели будут понимать дополнительные коннотации, скрытые в трансформированных именах собственных. При номинации персонажа Low Key автор подчеркивает его природу как главного трикстера скандинавских мифов – Lyesmith является видоизмененным LieSmith, где первая часть составного слова характеризует его как бога, отвечающего за ложь, а вторая является лексемой, имеющей в своем семантическом поле составляющую «огонь», что в полной мере отражает суть персонажа в скандинавской космогонии: «Loki is known as the trickster god, the mischief-maker, the father of lies and deceit, and the shape-shifter. He is the personification of both aspects of fire: the merry but potentially dangerous hearth fire and the destructive fire of forest and volcano» [Norse mythology A to Z 2010: 78].

Омофоны используются автором не только для завуалированной репрезентации мифических созданий, но и для дополнительной характеристики некоторых персонажей через их диалоги:

“Media. I think I have heard of her. Isn’t she the one who killed her children?” “Different woman,” said Mr. Nancy. “Same deal.” [Neil Gaiman 2001: 1318]. В данном случае имя одного из представителей современных техногенных богов – Медиа – созвучно с именем персонажа древнегреческих легенд – Медеей: «Medeia (Latin Medea) In Greek myth, the daughter, skilled in magic, of King of the sun-god Hélios. When Jason arrives with the Argonauts, she helps him to steal the Golden Fleece. When Jason proves unfaithful to her, after their marriage, she punishes him by slaying her own children» [The Routledge Dictionary of Gods and Goddesses, Devils and Demons 2004: 122]. В данном случае автор показывает характеристику персонажа *Media* через сравнение с ее мифологическим прототипом, подчеркивая, что персонажи знают о способности Медиа пойти на убийство и опасаются ее.

Скрытая характеристика персонажей является не единственной целью использования омофонов в трансформации ПИ. Так, не только читатели не всегда знают всех прецедентных личностей, но и сами герои произведения не со всеми знакомы, вследствие чего воспринимают имена через призму знакомых им слов, образуя совершенно новый оним: *“Whiskey Jack. I saw him. After I passed on. He came and found me. We drank beer together.”* [Neil Gaiman 2001: 1593]. «Wisagatcak – (North American) a trickster-god of the Cree Indians He annoyed Gitchi Manitou by stirring up trouble between man and animals so the supreme god sent a flood which only a few (including Wisagatcak) survived to repopulate the world» [Dictionary of mythology 2007: 1099]. Главный герой произведения является среднестатистическим американцем, который никогда не увлекался мифологией, вследствие чего не просто не понимает, что за герои мифов и легенд его окружают, но и зачастую даже никогда не слышал о некоторых из них, что показывает автор через призму восприятия героем имени трикстера из мифологии коренных индейцев.

Семантическая трансформация – это тип изменения ПТ, когда слова из текста-источника заменяется близким по значению (синонимом) или словом с противоположным значением (антонимом). За редким исключением авторами редко используются полные синонимы или антонимы, зачастую это слова одной тематической группы, близкие к понятийным видовым синонимам, однако они редко могут быть взаимозаменяемы в ином контексте. Таким образом, мы будем пользоваться термином «интертекстуальные синонимы\ антонимы» для обозначения слов и выражений, имеющих сходство, зачастую отдаленное, в пределах одной интертекстуальной цепочки.

Семантическая трансформация на основе синонимии.

В произведении «Американские боги» одним из центральных персонажей является Один (Odin) или одна из его инкарнаций Мистер Среда (Mr. Wednesday), однако главный герой намного позже читателей осознает, что на самом деле его спутником является верховный бог скандинавского пантеона. Инструмент, которым пользуется автор для помощи читателям в идентификации мифического персонажа, это объемные детальные описания, в которых присутствуют вышеназванные интертекстуальные синонимы с семами одежды, головного убора, синего и серого цвета и слова единого семантического поля «дерева» и «зрения», так как серые шляпа и плащ, наличие единственного глаза и мировое дерево Йгдрасиль являются неотъемлемыми атрибутами Одина. «Odin – Chief of the Aser gods. The god of war and death, as well as a sky god and the god of wisdom and poetry. When he rode into battle, he wore an eagle helmet and armor. When he wandered peacefully on Earth, Odin wore a sky-blue or gray cape and a broadbrimmed hat. Odin had only one eye, for he gave his other eye to Mimir in exchange for wisdom. He knew the secrets of the runes, which he had obtained by hanging himself from the World Tree, Yggdrasil. For this reason he is sometimes called Lord of the Gallows» [Norse mythology A to Z 2010: 91].

Однако автор, описывая современную инкарнацию божества, трансформирует прецедентное описание, модернизирует его и делает ближе к современным читателям. При работе с семантической трансформацией ПИ и ПО нам представляется целесообразным представление полной выборки контекстов, содержащих в себе интертекстуальные синонимы, а затем описание проведенного анализа лексических единиц. Так, наиболее широкой оказалась следующая подборка ПО, состоящая из 10 контекстов:

1. *The bearded man in a pale suit seated next to the unoccupied seat at the very front grinned at Shadow as he got onto the plane, then raised his wrist and tapped his watch as Shadow walked past* [Neil Gaiman 2001: 79].
2. *The man in the pale suit in the seat beside Shadow tapped his watch with his fingernail* [Neil Gaiman 2001: 81].
3. *His hair was a reddish gray; his beard, little more than stubble, was grayish red. A craggy, square face with pale gray eyes. The suit looked expensive, and was the color of melted vanilla ice cream. His tie was dark gray silk, and the tie pin was a tree, worked in silver: trunk, branches, and deep roots* [Neil Gaiman 2001: 83]. Приведенные контексты вводят нового персонажа – Одина – в повествование. Читатели знакомятся с ним через призму восприятия главного героя, таким образом, автор реализует парольную функцию ПТ: при описании нового героя автором используются лексемы семантического поля «Один», которые могут быть распознаны только читателями, заранее имеющими определенную базу знаний скандинавской мифологии, что приближает их к автору, в то время как реципиенты, не имеющие представления о внешности персонажа мифов становятся в один ряд с главным героем, для которого дальнейшее повествование будет подчинено цели узнать, кем на самом деле является описанный персонаж.
4. *The man opened his eyes. There was something strange about his eyes, Shadow thought. One of them was a darker gray than the other* [Neil Gaiman 2001: 87].

5. *Wednesday stared at Shadow with his mismatched eyes. One of them, Shadow decided, was a glass eye, but he could not decide which one* [Neil Gaiman 2001: 129].
6. *You may not be the worst choice old One-Eye could have made, come to that* [Neil Gaiman 2001: 398]. По ходу повествования герой, который находится в центре сюжета и, соответственно является своеобразным проводником авторских мыслей и оценок, будет часто обращать внимание на глаза Мистера Среды, инкарнации Одина. Данный факт объясняется не только тем, что глаза традиционно воспринимаются как «зеркало души» и их описание служит оценочной функции, то есть выражению авторской оценки героя посредством детального представления черт внешности героя. Для читателей, знакомых с мифами об Одине, отсутствие глаза у персонажа будет знаковой деталью, намекающей о репрезентации именно этого бога в тексте, так как согласно мифам Один отдал свой глаз гиганту в обмен на получение знаний и, соответственно, всегда изображался и описывался только с одним глазом.
7. *He wore a dark gray suit, a white shirt, and a deep gray tie: the morning sun glittered on the silver tie pin in the shape of a tree* [Neil Gaiman 2001: 710].
8. *He was wearing a coat and a flap-eared cap, and already it seemed to Shadow unlikely that only a few moments ago under the stars he had been wearing a broad-brimmed hat and a tattered cloak* [Neil Gaiman 2001: 1065].
9. *An old man came striding across the hillside toward him: he wore a dark gray cloak, ragged at the bottom, as if he had done a lot of traveling, and he wore a broad-brimmed blue hat, with a seagull feather tucked into the band at a jaunty angle* [Neil Gaiman 2001: 1781].
10. *He had a piratical black eyepatch over one eye, and a jutting white chin-beard. He wore a dark gray suit, a white shirt, and a deep gray tie: the morning sun glittered on the silver tie pin in the shape of a tree* [Neil Gaiman 2001: 1781]. Описание одежды персонажа выполняет ту же самую функцию, что и описание наличия только одного глаза, так как в скандинавских мифах

каждый бог обладал определенными спецификациями относительно цвета одежды и самих предметов гардероба как при описании в виде божества, так и земной инкарнации, в тех легендах, когда боги посещали земной мир.

Проанализировав выборку контекстов и словарную статью, мы выделили следующие семантические поля и единицы, объединяющие представление Одина в классических легендах и в современной интерпретации:

- одежда: cape, suit (5), silk, coat, cloak(2);
- головные уборы: eagle helmet, broad-brimmed hat(3), flap-eared cap;
- цвета: gray, sky-blue, reddish gray, grayish red, pale(2), pale gray, dark gray (4), silver(3), deep gray(2), white (2) , blue;
- зрение: one eye, mismatched eyes, glass eye, pale gray eyes, piratical black eyepatch over one eye, One-Eye.
- дерево: World Tree, Yggdrasil, trunk, branches, roots, tie pin in the shape of a tree (3)

Таким образом, можно сделать вывод, что авторская семантическая трансформация проходит в пределах одного семантического поля и большая часть представленных интертекстуальных синонимов имеют не только семантические связи, но и лексические, что помогает автору воплотить свою идею: донести реципиентам скрытый смысл в описании внешнего вида героев и помочь их идентифицировать.

Примером трансформированного ПТ является следующее описание, где выполняется вышеназванная функция: *The man was dressed all in green: dusty green trews, green jacket, and a dark green coat. His hair was a carrot red, and he grinned at her all lopsided* [Neil Gaiman 2001: 323]. В данном контексте реализуются лексемы семантического поля «лепрекон»: green(2), dusty green, dark green, carrot red, green. В фольклоре Ирландии лепреконы представлены как маленькие человечки, носящие зеленый цвет, имеющие рыжие волосы и

постоянно улыбающиеся\ухмыляющиеся от своих проделок. «In Irish folklore and folk belief, leprechauns are small fairy beings. They serve as cobblers for the fairy folk who often possess a treasure in gold...Leprechauns generally are described as merry, slightly heavy little men dressed in old-fashioned clothes, perhaps of sixteenth or seventeenth-century country style, the color usually green, with a red cap, a leather cobbler's apron, and nicely buckled shoes» [Storytelling. An Encyclopedia of Mythology and Folklore 2011: 284]. Таким образом, автор апеллирует к ирландскому фольклору и его наиболее популярному для современных читателей персонажу путем введения в его описание контекстуальные синонимы одного семантического поля.

Кроме скандинавской и ирландской мифологии автор в тексте романа реализует ПТ сферы-источника древнеегипетская мифология, вводя персонажей-богов через их трансформированные описания и используя номинативную функцию ПТ.

1. *The important thing to understand about American history, wrote Mr. Ibis, in his leather-bound journal, is that it is fictional, a charcoal-sketched simplicity for the children, or the easily bored* [Neil Gaiman 2001: 297]. В данном контексте автором вводится новый персонаж – Мистер Ибис, однако в данном случае он вводится не в основную сюжетную канву, а в параллельное повествование. Важно упомянуть, что сам роман «Американские боги» имеет нелинейный сюжет, где основные действия разворачиваются в современной Америке, где главный герой вместе с читателями находится в окружении мифических существ, а параллельно повествованию читателю встречаются главы, содержащие историю прибытия этих мифических существ на американский континент вместе с людьми, верившими в них. Именно эти истории, «исторические хроники» записываются и рассказываются Мистером Ибисом, являющимся инкарнацией Тота, древнеегипетского бога мудрости.
2. *The cranelike man had reached the dog. He reached down and scratched its high, pointed ears. “ <...> “Which one of you is Jackal?” “Use your eyes,”*

said the black dog with the long snout. It began to amble along the sidewalk, beside the man in the gold glasses, and, after a moment's hesitation, Shadow followed them. The cat was nowhere to be seen. They reached a large old building on a row of boarded-up houses. The sign beside the door said IBIS AND JACQUEL. A FAMILY FIRM. FUNERAL PARLOR. SINCE 1863 [Neil Gaiman 2001: 526]. В данном случае происходит первая встреча главного героя с Мистером Шакалом и введение уже появлявшегося Мистера Ибиса в динамику сюжета. Таким образом, читатель узнает, что кроме ведения хроник мифических героев, инкарнация Тота владеет похоронным бюро вместе с другим древнеегипетским богом – Анубисом.

3. *His shadow on the wall was stretched and birdlike, and as the whiskey flowed Shadow imagined it the head of a huge waterfowl, beak long and curved, and it was somewhere in the middle of the second glass that Mad Sweeney himself began to throw both details and irrelevancies into Ibis's narrative* [Neil Gaiman 2001: 704].

В данных контекстах реализуются ПТ сферы-источника древнеегипетская мифология. Важно отметить, что мы одновременно рассматриваем контексты, апеллирующие сразу к двум божествам – Анубису и Тоту. «Anubis – Egyptian god of the dead, in the shape of a dog or a jackal; occasionally in human shape with a dog's head. It is not certain what the name means; the meaning 'little dog' has been suggested. As god of the dead he is 'Lord of the divine hall' and hence in charge of mummification, in which capacity he undertakes the ritual preparation of the corpse and its transfiguration» [The Routledge Dictionary of Gods and Goddesses, Devils and Demons 2005: 14].

«Toth – Ancient Egyptian god of the moon, of the calendar and of chronology. His attribute is writing materials or a palm-leaf (as a year/date marker). His ibis head identifies him as native to the delta. As protector of Osiris he came to be seen as a guide and helper of the dead; and in due course this led to his identification with the Greek escort of souls → Hermes» [The Routledge Dictionary of Gods and Goddesses, Devils and Demons 2005: 184].

Причины единовременного анализа контекстов, содержащих информацию о двух указанных богах, обусловлены принадлежностью обоих богов к семантическому полю «Смерть» в ментальной картине представителей древнеегипетской лингвокультуры. При описании Анубиса автором использовались такие контекстные синонимы как «black dog, Jackal, Jacquel» и лексема «funeral parlor», входящая в семантическое поле «Анубис». Трансформированное ПО Тота было произведено при использовании следующих лексем, входящих в единое семантическое поле «Тот»: «Ibis, cranelike man, birdlike shadow, leather-bound journal, funeral parlor».

Кроме инкарнаций существ из скандинавской, ирландской и древнеегипетской мифологии автором в повествование вводится и представитель индийской мифологии – богиня Кали.

1. *The old woman in the red sari stepped into the firelight. On her forehead was a small dark blue jewel. <...> Shadow saw the old woman, her dark face pinched with age and disapproval, but behind her he saw something huge, a naked woman with skin as black as a new leather jacket, and lips and tongue the bright red of arterial blood. Around her neck were skulls, and her many hands held knives, and swords, and severed heads* [Neil Gaiman 2001: 435]. В данном контексте автор одновременно описывает как современную, человеческую инкарнацию богини, так и ее традиционный для мифов образ.
2. *He glanced to his right and snuck a glance at the Indian woman. He noted the tiny silver necklace of skulls that circled her neck; her charm bracelet of heads and hands that jangled, like tiny bells, when she moved; the dark blue jewel on her forehead. She smelled of spices, of cardamom and nutmeg and flowers. Her hair was pepper-and-salt, and she smiled when she saw him look at her* [Neil Gaiman 2001: 445]. В данных двух контекстах автор апеллирует к традиционным элементам внешности Кали из мифов и внедряет их в описание персонажа: обе версии богини – и человеческая, и божественная

– носят ожерелье из черепов, в руках божества находятся головы, в то время как на руках человеческой инкарнации надеты браслеты из голов, а голубое украшение во лбу Кали-человека отсылает читателя к традиционному цвету кожи Кали-божества. «Kali ('she who is black') An Indian goddess of the Great Mother type. She is the menacing and fearful aspect of Durga. She is usually shown standing on her husband Fiva, or placing her left foot on him. She has black hair, blue skin, her tongue hangs out, and she wears a string of human skulls round her neck. As Kalaratri ('black night') she is the mythic embodiment of a natural force which veils everything at the time of the creation (or of the destruction) of the world» [The Routledge Dictionary of Gods and Goddesses, Devils and Demons 2004: 99]. Таким образом, в приведенных двух контекстах автор представляет читателям как традиционное описание мифического персонажа, так и его современную версию на основе трансформированного ПТ при помощи интертекстуальных синонимов.

Цели завуалированной репрезентации персонажа служит и следующая семантически трансформированная номинация: *Let's see. Well, seeing that today certainly is my day—why don't you call me Wednesday? Mister Wednesday. Although given the weather, it might as well be Thursday, eh?* [Neil Gaiman 2001: 91]. В данном случае для номинации персонажей используются контекстуальные синонимы имен скандинавских богов, обращающие читателя к происхождению названий дней недели в английском языке: «Wednesday (n.) – fourth day of the week, Old English wodnesdæg "Woden's day," a Germanic loan-translation of Latin dies Mercurii "day of Mercury". For Woden, see Odin»; «Thursday (n.) - fifth day of the week, Old English þurresdæg, literally "Thor's day"...» [Online Etymology Dictionary]. Таким образом, апеллируя к названиям дней недели и знанию их этимологии: Среда = Один, Четверг = Тор, автор в который раз дает читателям подсказку-загадку об истинной природе героев. Упоминание погоды относит читателя к мифам о Торе-громовержце и помогает понять шутку о том, что если б имя зависело

от погоды, грозы в данном случае, то героя звали бы не Мистер Среда, а Мистер Четверг в честь Тора и данном случае семантическая трансформация носит не номинативную, а комедийную функцию.

Большой интерес для исследования представляет тип формально-семантической трансформации, который заключается в **антономазии**, когда имена собственные используются в тексте в качестве нарицательных, указывая на совокупность определенных признаков ПИ, транслируемых на объект речи, обычно указывая на типичного представителя социальной, национальной или профессиональной группы.

He read on, to discover that a Mr. Hinzelmann, originally of Hüdemuhlen in Bavaria, was in charge of the lake-building project, and that the city council had granted him the sum of \$370 toward the project, any shortfall to be made up by public subscription [Neil Gaiman 2001: 1181]. В данном случае автор сразу раскрывает суть персонажа, апеллируя к ПИ, называя персонажа-человека именем кобольда: «Hinzelmann – (German) a house-spirit kobold [=British brownie, knocker: =Welsh coblyn] a dwarf mine-spirit: a domestic brownie» [Dictionary of mythology 2007: 481].

Данный прием раскрывает моделирующую функцию ПИ, которая заранее формирует отношение реципиента к обозначенному персонажу еще до введения его описания или действий. Также можно утверждать, что в данном примере заключена людическая функция ПИ, когда перед читателем ставится загадка: автор указывает на негативный характер персонажа, отражающийся в его номинации, но не указывает на это причины и читатели должны самостоятельно разгадать авторский ребус и понять, соответствует ли негативная коннотация ПИ самому персонажу, что раскрывается впоследствии. *Hinzelmann's face was expressionless. "They were giving their children to me before the Romans came to the Black Forest," he said. "I was a god before ever I was a kobold* [Neil Gaiman 2001: 1722].

"That I am, a Cousin Jack," said the redhaired man. "Or rather, that I was, but now I'm here in this new world, where nobody puts out ale or milk for an

honest fellow, or a loaf of bread come harvest time.” [Neil Gaiman 2001: 323]. В данном случае ПИ *a Cousin Jack* использовано с несколькими целями: передать исторический колорит речи и охарактеризовать нового персонажа. «cousin jack – In the upper peninsula of Michigan this has been used to designate a male person, or descendant of such, who has immigrated from Cornwall, England. The feminine form is 'cousin jenny.' These terms are often capitalized» [Urban Dictionary]. Таким образом, перед читателем предстает собирательный образ выходца из Корнуолла, оказавшегося в Америке прошлых лет, а детали в тексте, такие как *redhaired man, I'm here in this new world, where nobody puts out ale or milk for an honest fellow, or a loaf of bread come harvest time*, создают образ лепрекона, представителя английского фольклора, рыжеволосого помощника тем, кто кормит его молоком или хлебом во время сбора урожая. Так, объединение прецедентного имени и образа создают цельный образ мифического существа, лепрекона, оказавшегося в Америке, где в него никто не верит и не соблюдает привычные для Англии традиции.

The Southern Comfort and Coke sat down beside Shadow. He had a short ginger beard [Neil Gaiman 2001: 124]. В данном контексте трансформированное ПИ, перешедшее в разряд нарицательных, в совокупности с ПО служат вышеописанной цели: создав описание персонажа, не называя его напрямую, помочь читателям догадаться о его мифологической принадлежности. «Southern Comfort – 1) A cheap 70 proof whiskey-like liquor made in New Orleans. 2) The drink of the gods (inf)» [Urban Dictionary]. Данный контекст представляет рыжеволосого персонажа, выпивающего виски, что создает для представителей англоязычной картины мира образ типичного ирландца, дополнительная коннотация ПИ подсказывает читателю, что перед ними находится непосредственно мифический персонаж, а точнее, лепрекон, рыжеволосый герой ирландского фольклора.

“Southern Comfort and Coke for you, Mad Sweeney m’man, and a Jack Daniel’s for me [Neil Gaiman 2001: 126]. Данный контекст расширяет

представление читателя о персонаже, а его имя показывает, что на самом деле в одном герое автор совместил сразу двух представителей ирландского фольклора и, если угадать лепрекона по детальным описаниям читателю будет относительно легко благодаря его мировой популяризации, то для осознания второй сущности необходимы более глубокие познания в литературе древней Ирландии. Так, одним из исторических памятников является «Buile Shuibhne», сказка XII века, которая позже стала популярным сюжетом в ирландской бардовской поэзии, повествующая о короле, сведенном с ума. «Suibhne Geilt / King Sweeney – (Irish).a poet-king of Dalriada husband of Eorann father of Aedh Dubh, in some accounts he insulted St Ronan who drove him mad with a form of madness that enabled him to jump hundreds of feet and to perch in trees where he grew feathers and lived on berries like a wild thing. Others say that he was driven mad by the sights he saw at the Battle of Magh Rath» [Dictionary of mythology 2007: 48]. Таким образом, автор апеллирует сразу к двум источникам ирландского происхождения, сначала показывая читателям одну сторону персонажа, более легкую для восприятия и узнавания, а затем углубляется и открывает истинное лицо героя, которое будет знакомо лишь ограниченной группе читателей, что отражает парольную функцию прецедентных текстов и приближает их к самому автору.

Однако не все прецедентные онимы были заимствованы автором из сферы-источника «мифы и легенды», так как не все вышеупомянутые лексические единицы могут быть корректно восприняты читателями. С целью упрощения распознавания трансформированных прецедентных текстов автор обращается к массовой культуре и апеллирует к популярным онимам из сфер-источников «кинематограф», «литература» и известному в англоязычной среде топониму.

He was cold, standing in a wood, talking to a big black bird who was currently brunching on Bambi [Neil Gaiman 2001: 492]. В данном случае автор обращается к прецедентному имени персонажа известного мультфильма в

целях создания противоречивого ироничного образа. Лексема Бэмби обладает положительной коннотацией и несет в себе семы нежности и незащищенности «Bambi – a cartoon film by Walt Disney about a young deer named Bambi. Bambi is a gentle and attractive animal, and the film is remembered for being very sad» [Longman Dictionary of Contemporary English]. Однако в данном контексте эмоционально окрашенное имя собственное используется в нейтральном контексте, благодаря чему автор получает выразительный визуальный образ, подчеркивающий хищную натуру птицы (ворона), поедающей не просто обычного оленя, а любимого читателями Бэмби, и того, кто с ней говорит (Одина).

Walt Disney bought some orange groves in the middle of Florida and built a tourist town on them [Neil Gaiman 2001: 377]. «Orange Grove – Small, almost non-existent town in south Texas about 20 miles east of Corpus Christi, population somewhere around 1200» [Urban Dictionary]. В данном случае ПИ orange groves используется автором в качестве лексической субституции к нейтрально окрашенному выражению «маленький город» и служит исключительно эстетической функции, чтоб предать особенности речи персонажа.

He noticed he was falling asleep halfway through “I Am Joe’s Pancreas.” [Neil Gaiman 2001: 658]. Данный контекст, в отличие от большинства проанализированных, не принадлежит сфере-источнику «Мифология», а является трансформированным литературным текстом. «I am Joe's – Repeated phrase in the book Fight Club by Chuck Palahniuk (e.g. I am Joe's Enraged, Inflamed Sense of Rejection)» [Urban Dictionary]. В данном контексте происходит трансформация ПТ с эстетической целью, чтобы передать читателям подавленное эмоциональное состояние героя, близкое к тому, что было описано Чаком Палаником в его «Бойцовском клубе».

Семантическая трансформация на основе антонимии. Следует отметить, что данный тип трансформации не является продуктивным в анализируемом произведении, что является результатом сложности подбора

контекстуальных антонимов ПТ, реализуемым в тексте и их восприятие реципиентами в ходе вербальной коммуникации. Так, одним из примеров является следующий контекст: *So let us designate this Sybil our Urd, eh?* [Neil Gaiman 2001: 381]. В данном контексте автором показано абсурдное предложение одного из персонажей, в котором контекстуальные антонимы воспринимаются им как синонимы, показывая его неосведомленность в рассматриваемой мифологии: «Sibyl – (Greek) a priestess of Apollo given the power of future prophecy by that god» [Dictionary of mythology 2007: 935] «Urd \ Urda – (Norse) one of the 3 Norns – the past, fate daughter of Mimir, some say She was regarded as the chief of the Norns and is depicted as an old woman looking backwards» [Dictionary of mythology 2007: 1026]. Таким образом, Сибилла, являясь предсказательницей будущего, не способна исполнять роль Урд, которая может прорицать лишь прошлое, тем более что эти два персонажа происходят из мифов различных народов и не могут считаться аналогами друг друга. Данный контекст является примером оценочной функции ПТ, когда автор через речь героев и их поступки показывает свою или формирует читательскую оценку по отношению к персонажам произведения.

2.2.2 Распространение прецедентного текста

Распространение прецедентного текста с помощью конкретизатора. В данном типе трансформации в роли конкретизатора могут выступать разные члены предложения и разные части речи. Добавление нового слова или слов в состав прецедентного текста зачастую приводит не только к потере изначального смысла высказывания, но и к созданию абсолютно нового, иногда и прямо противоположного тексту-исходнику.

“You want me to follow you?” asked Shadow. “Or has Timmy fallen down another well?” [Neil Gaiman 2001: 494]. В предложенном контексте автор

апеллирует к известному фильму «Лэсси», в котором собака с аналогичной кличкой выручала своего хозяина Тимми, упавшего в колодец. Таким образом, в современной культуре прецедентный вопрос изменил модальность и стал использоваться как утвердительное выражение «Timmy in a well», обозначающее сюжет семейного фильма, где ребенок попадает в беду, а домашнее животное является инициатором спасения. В анализируемом контексте ПТ возвращает себе модальность вопроса, но за счет его распространения лексемой «another well» высказывание воспринимается лишь как ироничное замечание на предложение последовать за участником диалога.

“Yes,” said Mr. World. “I know. When this is all done with, I guess I’ll sharpen a stick of mistletoe and go down to the ash tree, and ram it through his eye. Now. My stick, please.” [Neil Gaiman 2001: 1601]. В данном контексте упоминается миф о смерти Бальдра, сына Одина, в котором Локи, главный трикстер скандинавской мифологии уговорил ветку омелы не плакать о кончине бога, что привело к его смерти. Однако данный контекст был распространен за счет детального описания способа умерщвления бога, которое базируется на вышеописанной легенде.

“Hey,” said Shadow. “Huginn or Muninn, or whoever you are.” The bird turned, head tipped, suspiciously, on one side, and it stared at him with bright eyes. “Say ‘Nevermore,’ “ said Shadow [Neil Gaiman 2001: 495]. Одним из главных героев в произведении «Американские боги» является скандинавский бог Один, неизменными спутниками которого являются вороны Хугин и Мунин. В представленном контексте главный герой иронизирует над ними использует аллюзию к стихотворению «Ворон» Эдгара Алана По, в котором рефреном повторяется крик ворона «Nevermore!».

2.2.3 Смешанная трансформация

В художественном дискурсе распространенным приемом является смешанная трансформация ПТ, когда в одном контексте сочетаются несколько способов трансформации исходного текста, например, усечение ПТ может сопровождаться изменением типа предложения по цели высказывания. Прием смешанной трансформации помогает авторам использовать сразу несколько функций ПТ: эстетическую, моделирующую и номинативную.

Важно отметить, что один и тот же ПТ может подвергаться различным трансформациям в пределах не только одного дискурса, но и одного вербального высказывания. Зачастую этот происходит при семантической трансформации на основе интертекстуальной\ интердискурсивной синонимии, что происходит в следующих примерах:

1. *Life is Hard*

It's Toil and Trouble

Keep your Jawline

Free from Stubble

Burma Shave [Neil Gaiman 2001: 390].

2. *He undertook to overtake*

The road was on a bend

From now on the Undertaker

Is his only friend

Burma Shave [Neil Gaiman 2001: 390].

В данных контекстах используется ПТ известной рекламы: « Burma shave (trademark) – a type of shaving cream that used to be very popular in the US. It used to advertise by putting each line of a funny short poem on a sign along the road, so that you would read the poem gradually as you drove » [Longman Dictionary of Contemporary English]. Интердискурсивной синонимией в предложенном контексте служит общая конструкция построения

предложений в стихотворной форме и использование ПИ бренда. В данном случае смешанная трансформация ПТ направлена на это выполнение эстетической функции при создании ироничной ситуации: угрозы жизни поступают персонажу в форме рифмованной рекламы.

Зачастую при анализе смешанных трансформаций сложно определить конкретный текст-источник, в особенности, когда ПТ является молитва, религиозные песнопения или речи для языческих обрядов. В данном случае базой для утверждения и анализа прецедентности являются лексемы одного семантического поля, использование схожих грамматических конструкций при построении предложений и контекстуальных синонимов.

В тексте произведения «Американские боги» не раз встречается молитва, которую посвящают Билкис, инкарнации царицы Савской, «Balkis [Balqis.Belkis.Bilkis.Bilqis] a queen of Sheba. The Abyssinians claim that Balkis married King Solomon and they had a son, Menelik, from whom the royal family descended» [Dictionary of mythology 2007: 125]. Что примечательно, автором не используется уже существующий текст молитвы, а создается новый, объединяющий в себе традиционные каноны воспевания языческих богинь плодородия и любви. *I worship your nipples, from which the milk of life flows. Your kiss is honey and your touch scorches like fire, and I worship it.* "His words are becoming more rhythmic now, keeping pace with the thrust and roll of their bodies. "Bring me your lust in the morning, and bring me relief and your blessing in the evening. Let me walk in dark places unharmed and let me come to you once more and sleep beside you and make love with you again. I worship you with everything that is within me, and everything inside my mind, with everywhere I've been and my dreams and my... [Neil Gaiman 2001: 107]. В данном примере неоднократно используется лексема «worship» и также лексема «blessing», «relief», просьба «let me walk unharmed», на которых зачастую базируются языческие воспевания и молитвы. Кроме этого, любовь и плодородие в данном контексте могут считаться синонимами и в их семантическое поле входят следующие компоненты текста: nipples, milk of life, honey, kiss, lust,

make love. Таким образом, можно сделать вывод, что данный отрывок действительно является трансформированным ПТ, что выражается через его построение и семантическое наполнение, что является интердискурсивной синонимией с семантической трансформацией и распространением ПТ, так как в дальнейшем в текст данной молитвы будут добавлены лексемы не входящие в поле религии, подчеркивая современный характер описываемых в книге сюжетов.

Еще одним контекстом, обращающим читателя к религии, будет единственный пример, содержащий в себе апелляцию к одной из главных религиозных книг как современности, так и прошлого – Библии. *They call it Little Egypt because back, oh, mebbe a hundred, hundred and fifty years back, there was a famine all over. Crops failed. But they didn't fail down there. So everyone went there to buy food. Like in the Bible. Joseph and the Technicolor Dreamcoat. Off we go to Egypt, bad-a-boom* [Neil Gaiman 2001: 499]. В данном контексте автором используется одновременно усечение ПИ: полное название мюзикла, упоминаемого в тексте «Joseph and the Amazing Technicolor Dreamcoat»; так и распространение ПТ, когда в одном контексте используется как библейский сюжет, так и произведение массовой культуры. Важно отметить, что в данном контексте автор с целью создания иронического высказывания апеллирует к мюзиклу Э. Уэббера, одному из наиболее популярных в английской лингвокультуре создателю мюзиклов. Так, Майол и Милстед в своей книге «Эти странные англичане» отмечают следующую популярность мюзиклов и данного автора: «Английский театр живет сегодня в основном за счет новой постановки старых мюзиклов. Билеты на эти спектакли распродаются заранее и по записи. Как и на последние спектакли Эндрю Ллойда Уэббера (написавшего рок-оперу "Иисус Христос - суперзвезда" и мюзикл "Кошки"). Вот за это англичане готовы платить. Ну а если бы Ллойда Уэббера да соединить с Беатрикс Поттер, так и вовсе ни одного билетика купить было бы невозможно» [Майол 1999: 35].

2.3 Национально-культурная и жанровая обусловленность использования прецедентных текстов в дискурсе городского фэнтези

Лингвистика XXI века активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания. По словам С. Г. Тер-Минасовой, язык является «зеркалом» и «сокровищницей культуры», так как он является отражением реальных условий жизни определенного народа, его социального сознания, менталитета, национального характера, и также транслирует культурные ценности из поколения в поколение, являясь хранителем культурной истории. «Язык не существует вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей характеризующих наш образ жизни» [Тер-Минасова 2000: 29].

Важно понимать, что язык одновременно является как порождением культуры, так и ее важной составной частью, условием существования, неотъемлемым фактором формирования культурных кодов. Авторская апелляция к мифологии и фольклору в художественном дискурсе для создания стилистических эффектов обусловлена высокой степенью узнавания мифов и легенд, а также глубиной ассоциаций, связанных с ними.

«За каждым прецедентным текстом стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых им в сознании носителей языка. Именно эта включенность в ассоциативные связи с другими языковыми концептами обуславливает регулярную актуализацию прецедентных текстов в различных видах дискурса» [Слышкин 2000: 48].

Говоря об анализируемом произведении Нила Геймана «Американские боги», следует заметить, что сам автор, как и большинство его читателей, является носителем англоязычной лингвокультуры, что отражается на национально-культурной специфике отбора прецедентного материала и его

трансформации. Как уже было отмечено, наиболее продуктивными сферами-источниками являются скандинавские мифы и ирландский фольклор, так как именно они являются наиболее знакомыми для носителей английского языка в США и Великобритании.

Популярность ирландской мифологии определяется, во-первых, тем, что сами ирландцы являются частью англоязычной лингвокультуры, а во-вторых, благодаря популяризации образа непосредственно самого лепрекона в средствах масс-медиа и литературе, частично, благодаря празднованию дня Святого Патрика не только на территории Ирландии, но и в остальных англоговорящих странах.

Узнаваемость персонажей скандинавских мифов имеет под собой также несколько причин. Во-первых, исторические причины: английский язык в период своего становления был подвергнут изменениям, произошедшим из-за набегов древних скандинавов, викингов, на Британские острова (экспансия скандинавских племен в VIII — XI вв. н.э.), вследствие чего не только изменился словарный состав языка, но и само культурное наследие, вобрав в себя информацию о древних богах скандинавского пантеона. Второй причиной можно назвать популяризацию и романтизацию образа викингов и скандинавских богов в современном дискурсе кино и литературы, что повлекло за собой интерес к мифической составляющей жизни викингов, их верованиям и легендам. В данном случае примерами можно назвать комиксы и фильмы студии Marvel, в которых популярными персонажами становятся Тор и Локи; и современный англоязычный сериал «Викинги», главный герой которого, персонаж скандинавских легенд и исторических хроник, Рагнар Лодброк, возглавляет вышеназванную скандинавскую экспансию.

Говоря о реализации ПТ в дискурсе городского фэнтези, необходимо отметить, что из всех отобранных 120 контекстов, содержащих ПТ, трансформация прецедентных имен и феноменов наблюдалась лишь среди 43, что составляет 36% от всей выборки. Данный факт может быть обусловлен самой природой прецедентности, для восприятия трансформации

которой реципиентам должен быть знаком текст-источник, в чем автор не может быть абсолютно уверен, особенно принимая в расчет сферы-источники анализируемого произведения – легенды и мифы.

Авторская апелляция к ПТ мифов и легенд обусловлена жанровой принадлежностью анализируемого художественного произведения: особенностью городского фэнтези является его ориентация на такой жанр, как городская легенда, обязательное наличие магии и волшебных существ, явлений, полная свобода автора, когда он может повернуть сюжет самым неожиданным образом. Наличие хронотопа, выраженного формулой «здесь и сейчас», когда действие разворачивается в современных для писателя реалиях в пределах городского пространства побуждает автора использовать ПТ современных сфер-источников: кинематографа, рекламы, литературы.

Немаловажным пунктом при анализе национально-культурной и жанровой специфики использования прецедентных текстов в современном англоязычном дискурсе городского фэнтези становится время написания рассматриваемой работы и сопутствующий фактор популярности у фанатов. Так, роман «Американские боги» был написан Нилом Гейманом в 2001 году, когда уже было широко развито движение фанатов, которые могли не только реагировать на конечный продукт, но и непосредственно влиять на процесс создания литературного произведения или предмета кинематографа путем общения с самим автором, публикации своих мнений в социальных сетях или даже создания петиций в пользу изменения судьбы персонажа или концовки произведения. Таким образом, вокруг произведения фанатами формируется так называемый «фэндом» – общество, в котором принимают участие только фанаты того или иного культурного произведения литературы или медиа. Несмотря на разные уровни участия в фэндоме, его представители формируют собственную особую культурную идентичность через привязанность к определенному медиа-или печатному тексту [Hills 2000: 1].

Вследствие важности движения фанатов в формировании современных произведений многие англоязычные лингвосоциологи рассматривают

проблемы связи печатного или креолизованного текста и его реципиентов. Так, Джон Таллок анализирует отношения между продюсерами современных телевизионных шоу и их зрительской аудиторией в своей работе «Science Fiction Audiences: Watching Star Trek and Doctor Who». Он рассматривает фанатские группы двух известных телесериалов и исследует их силу влияния и авторитет на создание этих шоу. Он утверждает, что жанрами, наиболее подверженными влиянию фанатов, являются научная фантастика и фэнтези, так как с процессом развития телевидения развился и уровень интегрированности реципиентов в предоставленное медиа-пространство и его интерактивность, когда зачастую именно от фанатов зависел финальный эпизод шоу или его существование в целом [Tulloch 1995.]

Таким образом, можно утверждать, что кроме жанровых особенностей произведения и национально-культурной специфики читательской аудитории, возникшей под влиянием исторических событий и продуктов массовой культуры, современному автору при написании своей работы необходимо полагаться еще и на уже существующую или будущую фан-базу, подстраиваться под ее ожидания. Данная особенность современной литературы прямо касается анализируемого произведения, так как Нил Гейман во время написания «Американских богов» был уже широко известен англоязычной аудитории, что побудило его сделать больший упор на тех представителях мифов и легенд, которые были больше знакомы читателям и популярны среди них.

Итак, данная глава была посвящена исследованию особенностей трансформации прецедентных текстов, реализованных в дискурсе англоязычного городского фэнтези, через анализ контекстов, содержащих в себе различные типы прецедентных текстов, выявленных методом сплошной выборки из романа Нила Геймана «Американские боги». В главе были рассмотрены основные типы прецедентных текстов и способы их трансформации, сопоставительный и описательный, контекстуально-

интерпретативный, анализ которых позволил выделить лингвокультурные особенности жанра городского фэнтези и идиостиля самого автора.

Всего в анализируемом произведении было выделено 120 контекстов, содержащих прецедентные тексты, но лишь в 39% из них были реализованы трансформированные лексические единицы. Количественный анализ показал, что наиболее продуктивными типами трансформированных прецедентных текстов являются прецедентные имена (40 %), прецедентные описания (35 %) и прецедентные тексты (18 %).

Среди способов трансформации наиболее популярными оказались замена компонента прецедентного текста, распространение прецедентного текста и смешанная трансформация. Так, семантическая трансформация на основе синонимии составила 44 %, формально-семантическая трансформация на основе антономазии – 17 %, формальная трансформация на основе омофонии – 14 %, распространение прецедентного текста с помощью конкретизатора – 10 %, а смешанная трансформация была представлена в 7 % анализируемых контекстов. Результаты анализа могут быть интерпретированы как результат влияния жанровых особенностей на идиостиль автора и специфики самих прецедентных текстов, восприятие которых реципиентами требует энциклопедических знаний, а прецедентные имена являются наиболее простыми для восприятия их читателями и введения в контекст при трансформации.

В главе также рассматривались подходы к определению и анализу сфер-источников прецедентности, выделены и описаны наиболее продуктивные сферы-источники для ПТ, реализованных в романе. Так, наибольший результат в процентном соотношении показали прецедентные тексты из сферы-источника скандинавская мифология и ирландский фольклор. Следует отметить, что в целом мифология и фольклор в «Американских богах» являются наиболее продуктивными, представляя 80% всех прецедентных текстов в романе, что является следствием как общей жанровой особенности, так и непосредственно мифической направленности

анализируемого произведения. Популярность данных сфер-источников обусловлена национальной спецификой англоязычной лингвокультуры и сопутствующими факторами ее развития: историческим развитием народов-носителей английского языка и самого языка непосредственно, социальным и культурным развитием под влиянием масс-медиа, кинематографа и литературы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе была предпринята попытка анализа особенностей авторской трансформации прецедентных текстов в дискурсе англоязычного городского фэнтези на материале романа Нила Геймана «Американские боги» и также описания жанровой и лингвокультурной специфики, влияющей на формирование авторского идиостиля.

Достижению цели исследования, поставленной во Введении, способствовал отбор необходимого теоретического материала, обзор которого представлен в Главе 1. Помимо этого, поставленная цель была достигнута посредством применения сравнительного и описательного методов, реализованных через комплекс более частных приемов и методик анализа, таких как контекстуально-интерпретативный анализ, когнитивно-дискурсивный анализ, сравнительно-сопоставительный метод, базирующийся на учете лингвокультурных особенностей; метод количественных подсчетов с целью выявления наиболее продуктивных сфер-источников и способов трансформации прецедентных.

Глава 2 представляет собой анализ 120 контекстов, содержащих трансформированные прецедентные тексты, отобранные методом сплошной выборки из анализируемого произведения. В ходе анализа нами были выделены следующие типы прецедентных текстов: прецедентные имена, высказывания, феномены, ситуации, описания и тексты. Данные единицы прецедентности были подвержены авторской трансформации, включающей в себя семантическую трансформацию на основе синонимии, которая составила 44 %; формально-семантическую трансформацию на основе антономазии – 17 %; формальную трансформацию на основе омофонии – 14 %; распространение прецедентного текста с помощью конкретизатора – 10 %; смешанную трансформацию, представленную в 7 % анализируемых контекстов. В ходе сопоставительного исследования было выяснено, что

доминантными сферами-источниками стали мифы и фольклор, а наиболее продуктивными из них оказались скандинавская и ирландская мифология (см. Рис.1). Данные показатели являются отражением национальной англоязычной лингвокультуры и сюжетной особенностью анализируемого произведения.

Так же была выделена и проанализирована специфика жанра городского фэнтези, влияющая на развитие идиостиля автора и заключающаяся в сознательной художественной реконструкции мифа при эстетическом переосмыслении принципов мифологического мышления, наличии хронотопа «здесь и сейчас», когда действие разворачивается в современных для писателя реалиях в пределах городского пространства, и построении на литературном жанре «городской легенды».

Важно отметить, что в ходе анализа контекстов, содержащих прецедентные единицы, были выделены основные функции, которые они выполняют в рассматриваемом произведении. Так, ведущими функциями прецедентных текстов можно назвать функцию оценки и номинации, необходимую для знакомства читателей с персонажами и выражения авторского отношения к ним; моделирующую функцию, влияющую на восприятие реципиентами героев в рамках их картины мира; эстетическую, которая делает текст более выразительным и эмоциональным; парольную, объединяющую автора и читателей в одну группу «посвященных»; и людическую функцию, отвечающую за языковую загадку, которую необходимо разгадать по мере развития сюжета.

Таким образом, можно сделать вывод, что идиостиль Нила Геймана строится преимущественно на использовании трансформированных прецедентных имен и описаний из скандинавской мифологии в контексте городской легенды в соответствии с современной англоязычной лингвокультурой. В романе «Американские боги» трансформированные прецедентные тексты были реализованы с целью создания нового детального образа известных героев и их завуалированной репрезентации, позволив

читателям, знакомым со всеми текстами-исходниками заранее предугадать особенности развития сюжета.

Основные теоретические положения и практические результаты исследования могут способствовать дальнейшему изучению прецедентности как ключевого феномена современной лингвокультурной парадигмы. Исследование расширяет представления о роли введения в художественный текст прецедентных феноменов, их интерпретации и трансформации и уточняет их классификацию.

Результаты исследования могут быть использованы при когнитивно-дискурсивном, лингвокультурологическом, а также лингвостилистическом анализе художественных текстов разных жанров, для выявления связи типов прецедентных феноменов с основными элементами различных жанров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко М.А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности. Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: человек и его дискурс: сб. научных трудов. – М.: Азбуковник, 2003 – С. 221 – 233
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
3. Базылев В.Н. Лингвистическая персонология: Ирина Хакамада (к определению статуса дисциплины) // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 15. – С. 163–167.
4. Бирюкова Н.С. Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 197 с.
5. Блинова Ю.А. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2007. – 159 с.
6. Боярских О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ: дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Тагил, 2008. – 232 с.
7. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 – 72
8. Воркачев С.Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре. – Волгоград: Парадигма, 2009. – 190 с.
9. Ворожцова О.А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских федеральных выборов 2004 года: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 215 с.

10. Ворошилова М.Б. Советский прецедентный текст в дискурсе русского рока: «дети красной звезды» // Политическая лингвистика. – 2009. – № 2. – С. 121 – 124.
11. Высоцкая И.В. Типология способов трансформации прецедентного текста в газетном заголовке / И.В. Высоцкая, Е.Ю. Перфильева. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2010. – Т. 9. – вып. 6. – С. 349 – 356.
12. Гудков Д.Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 152 с.
13. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
14. Гудков Д.Б., Красных В. В., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. – 1997. – № 4. – С. 106 – 117.
15. Евтюгина А.А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого (к проблеме идиостиля): дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1995. – 200 с.
16. Земская Е.А. Цитация и способы ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. – М., 1996. – С. 157 – 168.
17. Илюшкина, М.Ю. Прецедентные высказывания в печатной туристической рекламе / Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С. 137 – 146.
18. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
19. Клушина Н.И. Имя собственное на газетной полосе // Русская речь. – 2002. – № 1. – С. 53 – 56.
20. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
21. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

- 22.Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 2006. – Т. 65. – № 2. – С. 3-13
- 23.Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58. – № 5 – 6. – С. 3 – 12.
- 24.Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- 25.Кузьмина Н.А. Интертекстуальный тезаурус языковой личности и методы его изучения // Интерпретатор и текст. Проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. – Новосибирск, 2004. – 57 с.
- 26.Кушнерук С.Л. Денотативный и коннотативный аспекты функционирования прецедентных имен в российской и американской рекламе // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С. 146 – 155.
- 27.Кушнерук С.Л. Сопоставительное исследование прецедентных имен в российской и американской рекламе: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 213 с.
- 28.Лавриненко Т.А. Прецедентный мир «Великая Отечественная война» в русской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 198 с.
- 29.Ланская Ю.С. Американская городская легенда в контексте постфольклорной культуры: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2006. – 258 с.
- 30.Майер А.С. Московские городские легенды как исторический источник (Историческая память и образ города): дис.... канд. ист. наук. М., 2008. – 303 с.
- 31.Майол, Э., Милстед, Д. Эти странные англичане. – М.: Эгмонт Россия Лтд., 1999. – 72 с.

32. Михайлова Е.В. Интертекстуальность: аспекты изучения проблемы / Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – Волгоград, 1999. – С. 32 – 42.
33. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
34. Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – С. 166 – 174.
35. Нахимова Е.А. Прецедентные имена как ментальное поле в политической коммуникации // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004а. – Т. 14. – С. 46 – 61.
36. Нахимова Е.А. Прецедентные феномены с ментальным полем-источником «Театр» в современном политическом дискурсе // Известия УрГПУ. Лингвистика. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 15. – С. 102 – 114.
37. Немирова Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2003. – Т. 11. – С. 145 – 156.
38. Новичков А.А. Ономастическое пространство англоязычных произведений фэнтези и способы его передачи на русский язык: дис. ... канд. филол. наук. – Северодвинск, 2013. – 296 с.
39. Орлова Н.М. Библейский текст как прецедентный феномен: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2010. – 549 с.
40. Павликова С.К. Русские и английские прецедентные высказывания (сравнительный анализ): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 160с.
41. Пикулева Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 229 с.
42. Попова Н.П. «В России появляются новые штольцы...»: о мифологеме героя в современной публицистике // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1. – С. 135-143.

- 43.Равинский Д.К. Городская мифология // Современный городской фольклор. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2003. – С. 409 – 419.
- 44.Рагимова Ф.С. Способы актуализации прецедентного высказывания в рекламном тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2011. – 237 с.
- 45.Ростова Е.Г. Использование прецедентных текстов в преподавании РКИ: цели и перспективы // Русский язык за рубежом. – 1993. – № 1. – С 28 – 35.
- 46.Саксонова Ю.Ю. Прецедентный интекст: проблема межъязыковой эквивалентности в художественном переводе (на материале английского, немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 133 с.
- 47.Семенец О.П. Прецедентный текст в языке газеты : динамика дискурса 50 – 90-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 22 с.
- 48.Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 2000. – 141 с.
- 49.Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в.). – СПб: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.
- 50.Смирнова Е.В. Устойчивые мотивы сюжета ‘геопатогенная зона’ в городской легенде // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2010. – № 21. – Вып. 45. – С. 114 – 120.
- 51.Смулаковская Р.Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 12. – С. 111 – 120.
- 52.Солопова, О.А. Использование прецедентных феноменов в политическом дискурсе выборов депутатов Государственной думы / Этногерменевтика и антропология. – Кемерово, 2004. — Вып. 10. – С. 70 – 79.

53. Спиридовский О.В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 161 – 169.
54. Столярова И.А. Некоторые особенности перевода комического в литературе жанра фэнтези: на материале произведений Т. Пратчетта: дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2009. – 181 с.
55. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – Т. 13. – С. 17 – 29.
56. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. – 146 с.
57. Терских, М.В. Реклама как интертекстуальный феномен: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2003. – 198 с.
58. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. – М.: Комкнига, 2000. – 280 с.
59. Терских М.В. Реклама как интертекстуальный феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2003. – 26 с.
60. Филинский А.А. Стратегия манипуляции в политическом дискурсе // Языковые подсистемы: стабильность и динамика. – Тверь, 2002. – С. 171 – 178.
61. Фокина О.В. Источники интертекстуальных включений в языке современных газет: автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 2006. – 20 с.
62. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): монография. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
63. Шарапенкова Н.Г. Роман «Москва» Андрея Белого: от Хаоса к Космосу: монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. – 158 с.
64. Coleman J.A. The dictionary of mythology: an A-Z of themes, legends and heroes. – London: Arcturus Publishing Limited, 2007. – 1139 p.
65. Daly K.N. Norse Mythology A to Z, Third Edition. – New York: Infobase Publishing, 2010. – 143 p.

66. Gaiman N. *American Gods*. – HarperCollins Publishers, 2001. – 1927 p.
67. Harris Z.S. *Discourse Analysis*. // *Linguistic Society of America*, 1952 – Vol. 28 – No. 1 – P. 1-30.
68. Hills M. *Media Fandom, Neoreligiosity, and Cut(ural) Studies. The Velvet Light Trap*. – Austin: University of Texas Press, 2000. – P. 133 – 148.
69. Landow G.P. *Hypertext and intertextuality* // *Hypertext: the convergence of contemporary critical theory and technology*. – The John Hopkins University Press, 1992. – P. 10–11.
70. *Longman Dictionary of Contemporary English* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 17.09.18).
71. Lurker M. *The Routledge Dictionary of Gods and Goddesses, Devils and Demons*. – New York: Taylor & Francis Group, 2005. – 272 p.
72. Sharpe M.E. *Storytelling. An Encyclopedia of Mythology and Folklore*. – New York: Library of Congress Cataloging-in-Publication, 2008. – 753 p.
73. Tulloch J. *Science Fiction Audiences; Watching Star Trek and Doctor Who*. – New York: Routledge, 1995. – 300 p.
74. *Urban Dictionary* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 24.09.18).
75. Van Dijk T. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. – London: Sage, 1998. – 390 p.